

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Время для драконов

Конкурс КЛФ «Контакт»

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В81

Время для драконов : конкурс КЛФ «Контакт» / [отв. за вып. Калашников Н. Н.] ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 44 с. : ил.

© Маргарита Ланина
© Светлана Кочарина
© Наталья Жилиянина
© Надежда Калашникова
© Наталья Гимон

Участники конкурса

- Наталья Гимон, *Рязань* **V место**
Рассказ № 2 «Хранитель»
- Светлана Гуменникова, *Томск*
Рассказ № 6 «Форезия»
- Анна Ерёмина, *Омск*
Рассказ № 10 «Рурх»
- Наталья Жилиянина, *Новокузнецк* **III место и II место
в читательском голосовании**
Рассказ № 1 «Драконовские меры»
- Надежда Калашникова, *Новокузнецк* **IV место и I место
в читательском голосовании**
Рассказ № 9 «Мечта дракона»
- Светлана Кочарина, *Мыски* **II место и III место
в читательском голосовании**
Рассказ «Дракон»
- Маргарита Ланина, *Новокузнецк* **I место**
Рассказ № 7 «Дружба народов, или Время для драконов»
- Геннадий Морозов, *Новокузнецк*
Рассказ № 3 «Случится же такое»
- Татьяна Романцова, *Новокузнецк*
Рассказ «Желания всё-таки сбываются – если Очень захотеть»
- Дмитрий Семёнов, *Новокузнецк*
Рассказ «Драконы сибирских скал»

Жюри конкурса

Калашников Николай Николаевич – президент КЛФ «Контакт»;
Белоусова Ольга Александровна – писатель, член Союза писателей;

Колесова Наталья Валенидовна – писатель, член Союза писателей;

Немиров Валерий Анатольевич – отв. секретарь «Кузнецкого рабочего», член Союза журналистов.

Маргарита Ланина

Новокузнецк

Дружба народов, или Время драконов

Фантастический рассказ

Темнело в тайге постепенно. И по мере того как садилось солнце, тайга становилась всё чернее. Духи Эрлика, казалось, притаились за каждым стволом многовековых елей. Уже не было видно тропы к ручью, проложенной женщинами из шорской деревни. Улус тот шалашами прильнул к лесу прямо у просеки и замер, будто ожидая чего-то. Уже заплясали красные языки ночных деревенских костров. И таёжная темень стала ещё непроглядней. Добрый дух небес зажгёт звёзды над улусом. Так всё-таки светлее. Неподалеку от улуса в тайгу упал какой-то горящий предмет. Но пожара не было почему-то...

Но застонал, запричитал на берегу реки, недалеко от родного шалаша кой-комус, нехитрый инструмент шорских музыкантов.

То молодой охотник взгрустнул возле костра. Плохо ему – соболей ещё зимой набил целый сундук, а к родичам невесты идти боится. Откажут ему – все пальцем показывать будут. Дурак, скажут, и неудачник – куда попёрся-то? К первой красавице? А если не скажут, то подумают. Всё равно плохо. Тот раз вот с охоты пришёл, мяса родичам принёс, а невестина родня даже не посмотрела на его подвиг – прямо начхать им на охотника. Тёща будущая, совсем преклонного возраста старуха сорока лет, – всё на кедры лазает, шишку бьёт. Не на лбу (если бы!), шишку бьёт кедровую, мешками таскает. Богатая. Ты-ы-ын – жилка комуса в душе пробудила надежду. Так играл бы и играл всю ночь. Печаль такая сладкая, да и мечты пробуждаются в сердце про сватовство. А что? Ульген, видно, мало-мало помогает. Дух добра. В сватовстве ведь надо сразу бить наповал... то есть, нет, не так. Вот как белку в глаз бить надо сразу, так и с женитьбой должно быть всё наверняка. И без отказа. Вот что подумал охотник. Чтобы решено было раз и навсегда и так, как ему, молодому и красивому (а что?), надобно. Вот как белка после выстрела не бегают, так и невеста дома должна сидеть без всяких там рассуждений. Тьфу ты, злой айна всех заberi, далась ему эта белка! Совсем дурак от охоты стал – только бы стрелять. Урод. А впрочем...

И охотник погладил ружьишко, что рядом лежало: вдруг кто на соболей позарится или медведь прикосолапит, а ещё может лось привалить... И правда, а вдруг бы лось! Тогда мяса на всю родню хватит. И на невестину прожорливую тоже. Ничего не жалко, ешьте, чего уж там.

Как будто кто услышал мечты охотника. Зашевелились тревожно кусты в непроглядной от огня тьме. На той стороне ручья кто-то шёл. Затрещали ветки там, в темноте. Прямо к костру валил кто-то. Да на

лося-то не похоже. Тот прёт через чащу как злобный дух Эрлик – дух подземный и страшный, топчет всё на своем пути. Огромный. Злой. Неудержимый. Только пуля охотника его остановит. Здесь же кралось нечто среднее между телёнком и собакой. Охотник комус тихо в сторону отложил. Лук и стрелы на себя потянул – те рядом лежали тоже на всякий случай. Зачем, например, барсука пулей бить – его стрела возьмёт.

Так, значит, родню невестину боишься, медведя – нет. Позора боишься – духов нет. А тут кто на тебя валит, охотник? Кого бояться? Да никого! Он сейчас бесстрашный, он на пути к одагу-свадебному шалашу, лучше которого на свете ничего не бывает. Молодой шорец расплылся в улыбке и натянул тетиву: «С излучины ручья крадется. На водопое был. Щас как врежу...» И замер, не веря глазам своим, – штук пять комусов в душе запели. Сугэзи, дух ручья, вышла из кустов и встала посреди ручья, опешив, смотрит через костёр. Вся мокрая, волосы длинные, тёмные, салом намазанные. Собой приглядная, на невесту похожая, на его, молодого охотника, невесту. Сугэзи живут в реке, это понятно. Управляют они рекой или ручьём, кому что достанется. Это тоже понятно. Но почему они так ловко изменяются? Непонятно. И ведь не разберёшь! А если бы она к нему прямо в свадебный шалаш пришла? С невестой бы попутал. Что делать-то? Вот с этой, вышедшей из темноты? «Щас врежу, – подумал охотник, – а потом пусть кам камлает, чтобы худо не было! А чего она?» Лук снова поднял и тетиву стрелой натянул – всё, охота началась.

А «русалка» как закричит, как заверещит человеческим голосом: «Ай, не стреляй, охотник, это же я, невеста твоя! Жениться ты на мне хотел!»

– Не верю, – говорит шорец, – ты дух ручья и не морочь мне голову!

– Сам дурак! – захныкала невеста. – Глаза-то протри, ты же свататься ко мне собирався. Ещё соболей припас, головой-то соображай, лучник!

Охотник лук опустил, но всё же смотрел подозрительно.

– А ты чего мокрая? Дожда вроде нет. В ручье была?

– В ручье.

– Ах ты, айна, спаси нас тёркижи, ты – дух ручья!

– Нет, не дух!

– А я говорю – дух! Чем докажешь?

– А эвон чем, смотри! Видишь? – Русалка давай охотнику свои ноги в ладных сапожках показывать. – Ноги это, не рыбий хвост!

Смягчился жених, признал невесту. Но в толк всё никак не возьмёт – почему мокрая-то? Что в ручье делала? Дурная какая-то. Как на такой жениться? Девушка в деревне отличалась от других – сильно любопытная была и сообразительная. За то её и полюбил охотник. А ещё за розовые щёки и блестящие глаза, за быстрые ноги и умелые руки. И туес сплетёт, и шапку бисером вышьет. Правда, на язык остра. Так что? Кумушек отвадит от родного шалаша.

Посадил охотник невесту рядом с собой у костра и давай спрашивать, какой дух понёс её в воду? Невеста вдруг стала радостная такая, будто

десять белок за час добыла. Говорит, к соседям в русскую деревню бегала. Там её три раза в воду окунали, богу посвятили. Теперь она никого не должна бояться, её ангел бережёт.

Это хорошо, подумал охотник, лишним не будет, пусть бережёт. Может, и сам когда к русским ходит. Люди они ничего, дерево обрабатывать умеют. Есть чему поучиться. И так иногда в праздники приобщиться...

– Так ты точно никого не боишься, наречённая? – спросил охотник свою русалку. – Даже шатуна?

– Шатуна тоже не боюсь. Мамку с папкой только и боюсь, – вздохнула наречённая.

– Эх ты, бесстрашная, – засмеялся охотник, – я же чуть тебя не застрелил! Вот ума нет. Одно только – добыть да принести. Всего-то. Ну, добуду, ну, принесу. Ну, съедят. Как-то не очень. Одно и то же. Как та самая белка в колесе. – Сказал и задумался, что-то беспокойно стало.

Вдруг из кустов прямо в сторону костра рожа страшная, драконья выскочила. «Бу-у-у!» – заорала, и глаза таращит. Невеста как подскочит к башке драконьей и давай морду ту кулачками бить и на себя тащить. И вытащила долгое его туловище, в конце которого вцепившегося китайца на свет выволокла. Вот тебе и раз. Драконом напугать хотел, иноземец. Охотник и глазом моргнуть не успел, как всё произошло. Девушка не побоялась. Молодец. Точно, ангел есть у неё! Пусть будет, в хозяйстве и ангел пригодится.

– Дядушка Хо! – представился «дракон». – Пороху надо, нефритовые мои?

– Давай, – ответил охотник, (надо-не надо, пусть будет, запас карман не тянет), – а ты кто, купец?

– Купеза – не купеза, никто не знай, китайка дядушка Хо, – залепетал иноземец, – моя торгует. Твоя дружба.

– Зачем драконом прикидываешься? – Охотник сурово сдвинул брови, будто он на границе. – Я тоже на тебя лося могу напустить. И что тогда?

– Плохо тогда. Зачем лося? Пусть на почте служит, – застрекотал китаец. – Так дракон у нас символ мудрости и богатства. Я вам желаю самого большого дракона!

– Спасибо, дядюшка Хо, – вклинилась в диалог мокрая «русалка», – мне вот дракона вашего не надо. У меня ангел есть.

– А шёлк у тебя есть? – на чистом шорском спросил китаец.

– Нет, такого не имеем, – выступил вперёд с разговором охотник, – а он для чего? Вкусный или как?

Не заметил молодой шорец, что говорит на китайском, и лоб при этом не морщит. Чудеса! А китаец только смеётся. Приходите, говорит, завтра на ярмарку, там и узнаете, что такое шёлк, и пороху понюхаете заодно. А народу-то там будет, народу! И головой покачал чисто по-китайски.

– На Базарную площадь приходите, у подножия крепости. Да там всегда это бывает. Вас только не хватает. Придѣте?

– Придѣм! – хором ответили молодые представители шорского народа.

– Се манифик! – ляпнул китаец, да тут же и опомнился. – Пардон, мезами, Эрлику только не докладывайте, не нужны нам конфликты.

Это он уже по-шорски шпарил. И медленно так потѣк в темноту тайги, будто век там гулял, охотился и жил. Сам маленький, беззащитный, в зелёном халате. И хвост из-под халата драконий туда-сюда ходит. Не тот хвост, что у бумажного дракона, а настоящий. И ушѣл, будто растворился, китаец-то.

– Ты видел? – спросила невеста у охотника.

– Да видел! – равнодушно как-то ответил жених, смелый, однако, парень. – Росомаха в кустах кралась. До утра надо выследить, а то напакостит.

– И всё?

– А что ещё? – удивился бывалый парень. – Неужели и ты росомаху приметила? Молодец!

Несостоявшаяся русалка решила, что и ей показалось. Мало ли что в темноте и на ночь глядя привидится. Домой, домой пора! Шибко поздно. Охотник невесту к родичам проводил. Чин чином всё. Сдал в надлежащем виде. А сам до утра по ручью ходил, зверя караулил. А его и не было. Такая штука. Тайга была темна. Шумела кронами деревьев, прятала в своей чаще мирно спавшего зелёного дракона. Тот свернулся под кедром калачиком и дрых, посапывая, подлец. Кому скажешь, не поверит.

Назавтра грянула ярмарка. На том же месте, как обычно. Широкая, разноцветная и задиристая. Всё, что можно, всё продавали. Медведя водили по рядам. А он и товар цеплял на коготь как бы между прочим. То не воровство было, несчастный случай, а ты попробуй у медведя отбери! Смельчаков нет. Гвоздѣм ярмарочного разнообразия была китайская лавка. «Дядуська Хо» понавѣз диковинок: шелка расписные, нефритовые бусы, белила для красавиц на фарфоровой глине, веера и др. и пр. Мужики местные косились на Хо. Чего это он на чужой земле так безоглядно богатеет? А по роже?

На тот момент, наряженные на красивый шорский манер, пришли на торжище и Охотник с Невестой. Растерялись среди русского разнообразия, лошадей и хомутов, сапог и коров, смотрели на пряники, калачи и баранки, ловили запахи сбитня. Ну и знакомца своего увидели, китайца, обещавшего шелка и пороху. Подошли к его лавке. А Хо так обрадовался, как лучшим своим родственникам. На чужой сторонushке рад знакомой воронushке – вот так обрадовался. Тут девушка увидела шелка, бусы и белила. И так этого захотелось! Даже пряников не надо. Китаец от щедрости своей бусы девушке протянул драконьей лапкой, из рукава вылезшей. Даром отдавал! Невеста взяла и глазом не моргнула. Подумаешь, лапа дракона! Но присела посмотреть, где хвост, имеется ли

в наличии? Охотник не заметил ничего. Но пороха ждал. Думал, зачем его нюхать? Применять надо. А то последнее время росомахи повадились рядом с улусом ходить.

А в то же самое время в русской деревне один парень жил. Геннадием звали. Нормально жил, как все. А иногда и лучше. Утром умоется, лоб перекрестит по обычаю дедов, поест и на работу. Вечером приходит, поест, умоется и спать. Так всю неделю. В выходные выходил в деревню на девок посмотреть. Жениться ему надо было. Зачем человеку одному жить? Надо вдвоём, вдвоём не скучно. Вот и высматривал Гена себе невесту, чтобы та была собой недурна, умна, неболтлива, скромна, работаща и... Ах да, вот ещё, – чтобы по хозяйству всё умела делать. Но пока что такая не попадалась. Чтобы все эти качества вместе в одном человеке сошлись, так редко бывает. Но ведь бывает! Да вот тут как раз ярмарка намечается. Буквально завтра. Для Геннадия это как раз тот самый праздник, когда он лучше других начинал жить. Гармонь у него была, вот что. С гармонью да на ярмарке, может, кого и найдёт Геннадий, это ведь дело случая, правда? Так шёл парень по дороге домой и размышлял про свою жизнь. А навстречу ему из вечерних сумерек выдался хлыщ какой-то из иностранных. Улыбается, шляпу снял ради приветствия. Нет, ну надо же, весь в кружевах, будто девка, духами так и разит.

– О, Генри, – сказал басурман, – я хотел бы завтра видеть вас на ярмарке. Будет зер гут, интересант. Войдёте в историю мит ире фройнде!

– Никакой Иры Фронде я не знаю, господин хороший, – отвечал Геннадий, – и не Генрием меня зовут, а Геннадием, Геной, ферштейст? А к истории с вашей Ирой я не имею никакого отношения. Не гулящий я. Работяга. Арбайтер.

Сам удивлялся парень, что какие-то иностранные слова вдруг стал в речь свою вворачивать без труда. Похоже, немецкие. Чудеса, да и только! Иностранец же всё не уходил, подрядился возле Гены идти. Неужто прямо до дома? А чем его потчевать? Гена не готов был к приёму гостей. Что-нибудь, конечно, он найдёт – картошечки, капусточки, а вот магарыча нет. А! Вот – на гармошке сыграет.

– Добрый ты, Гена, – вдруг сказал басурманин, – не крокодил совсем. В веках тебя оставить что ли? Сам как думаешь?

– Хоть горшком назови, только в печь не сажай! – засмеялся парень. Но и поёжился немного. Станный какой-то попутчик. Особенный. Что таит?

– Да ничего я не таю! – ответил на его мысли иноземец. – Не хочешь быть О'Генри, будешь просто Гена. Но особенный. Почти дракон. Чем-то они похожи.

– Да ну на фиг, в драконы не хочу! – запротестовал Гена. – Оставь человеком, добрый человек!

– Что ты, что ты, – засмеялся «кружевной», – каким был, таким останешься! Мы не изверги какие. Просто имя мне твоё приглянулось. Его возьму. Так ты драконов боишься?

– Да я их не видел отродясь, – признался Геннадий, – не знаю, какие они. Говорят, страшные.

– Не такие уж мы и страшные, – грустно вздохнул иноземец, – хотим мира и торговли и дружбы народов. Так ты придёшь на ярмарку, Гена?

– Приду, а что?

– Гармошку захвати, вот чего. До встречи! – раскланялся «кружевной» так, что шляпой дорогу подмёл. Развернулся и пошёл по дороге в противоположную сторону.

Гена обернулся, чтобы вслед посмотреть странному попутчику. А он и вправду, странный. Из-под камзола хвост как у дракона раскачивается туда-сюда... «Вот ведь что кажется, когда устанешь, – подумал Гена, – а на ярмарку пойду обязательно».

Слово «задиристая» к ярмарке подходило всегда. Ну, не было случая мирного её течения. Кто-нибудь с кем-нибудь что-нибудь да не поделит. А ещё может что-то кому-то не понравиться, – вот нос, например, или как кто посмотрел или что сказал, или одежда не такая. Да мало ли! А драконова лавка для такого вот случая – чистая находка. Басурманин торговец перетащил всех покупателей к себе. Выглядит как-то по-китайски. Рядом толкутся ещё два ненаших, одетых не по-нашему. Нет, что они о себе думают!

Вот это и надобно узнать. С пристрастием. Подошли. Врезали. Сказали пару ласковых. И противник деморализован. Бежит в испуге, забыв о товаре. И больше не появляется в здешних местах. Действовало всегда безотказно. Нароботано потому что. Подошли сначала к невесте и охотнику. Спросить что-то про кузькину мать. Они, конечно, про неё ничего не слышали. Кто-то протиснулся прямо к прилавку и пошутил в лицо китайцу: «Будем грабить!». Ох, не знал он, чем всё это может закончиться!

– Грабить, грабить! Будем грабить! – зачистил торговец, беспрерывно кланяясь и улыбаясь. – Сейчас прямо и начнём.

И начали. Откуда ни возьмись в руках у нападающих оказались грабли. И дюжие парни в едином трудовом порыве этими граблями стали расчищать базарную площадь. Брови свели, языки в усердии высунули – работают. Соперничают между собой как пионеры на сборе металлолома.

А тут и Гена со своей гармошкой подоспел. Ринулся на Охотника с одним намерением – доминировать на данной территории. А китаец ему: «Гена, давай нашу!»

Помимо воли развернул Гена свою гармонь во все меха и дал «нашу», хотя и не знал, что это за песня. А будто знал и мелодию, и слова: «Я играю на гармошке у прохожих на виду. К сожаленью, день рожденья только раз в году!..» Ничего так песня получилась, необычная, на «Лучину» не похожая. Играет Гена на гармошке, парни территорию чистят, китаец, не скрывая, бьёт себя по бокам хвостом драконьим, в азарт впал. А вот охотник, кормилец своей многочисленной родни, лук с плеча тихонько потянул: увидел хвост-то. Да и гармониста вразумить не мешало

бы. Ещё один воин нашёлся среди ярмарки! О мире забыл. А дракон уже за спиной охотника, лапой его трогает, шепчет на ухо: «Зачем стрелять собрался? Дружить надо, дружить!» «А ты кто, дядюшка Хо?» – только выдохнул охотник. Но лук опустил.

– Я? Да я уж и забыл, честное слово, кто я, – застрекотал «китаец», – сейчас драконом работаю. Платят только мало. Стараюсь, стараюсь повлиять на людей, всего себя отдаю. А в ответ в лучшем случае вот что. И это плата?

Он показал рукой на работяг и певца. Охотник проследил за жестом. Да, нормальная картина – хорошо работают, песня хорошая. «А почему тебя дядюшка Хо называют?» – спросил молодой охотник.

– Да я сам себя так назвал. Потому что ХОчу Хорошего, чтобы был мир, и у всех всё было и никому за это ничего не было, – но это слишком длинное имя, я сократил его до Хо. О-хо-хо, стар я стал и даже устал. Давнишний я.

– Жалко. Может, лося тебе добыть? А что дальше? Куда ты?

– Не поверишь, вперёд, лет так на четыреста. Перемещусь, а там видно будет. Думаю, тогда и настанет наше время, время Драконов. Лось не надо, он теперь почтовый.

– Что за время-то? – сильно заинтересовался гроза росوماх.

– Расцвет культур и торговли, как я думаю. Вот что за время будет! Мы, драконы, наводним товарами весь мир, люди забудут войны, будут только ходить в магазины, покупать вещи, продукты, ходить в гости, смотреть теле... впрочем, тебе пока это не понять. Рано тебе. Ну вот, например, мы дадим людям пилы-самопилы, топоры-саморубы, скатерти-самобранки, сани-самоходы, ковры-самолёты. На охоту никому ходить не надо будет. Красота!

– Нет, какая там красота! – покачал отрицательно головой охотник. – Скука одна, задери меня медведь! Росوماхи всё разорят, белки орех в кедрачах уничтожат. А медведь? А медведь?! Он же наглый, в деревню заходить будет, а то и в дом. Ну, уж нет! А какой-нибудь быстрострел там может быть? Вот его бы я хотел.

– АКМ что ли? – удивился Дракон. – Нет, «Калашникова» тебе ещё рано. Богом себя возомнишь, палить станешь почём зря. Нельзя, рано тебе. Дружить вы все пока не сильно научились.

– А почему мне как чуть что, так и рано? – возмутился стрелок. – Я вот, например, жениться собираюсь. Родичей кормлю. На охоту хожу. Это не рано?

– Вот видишь, уже и в бутылку полез, добытчик, – печально констатировал факт падения охотника Дракон. – У тебя невеста есть. А у неё ангел. За неё держись, охотник, в ту сторону смотри. Про быстрострел забудь, автоматчик. А я полечу, устал что-то я. Эй, все! Прощайте, нефритовые мои!

И стартовал в небо как ракета в космос. Вся ярмарка смотрела на это чудо, задрав головы вверх. Парни грабли в сторону отставили. Гена

гармошку свернул. Невеста охотника слезу вытерла со щеки. Полоскался на ветру только бумажный макет дракона, как бы прощаясь с хозяином. Лавка исчезла. А бусы в руке невесты остались. Прямо Олимпиада-80!

– И когда же настанет это время драконов? – заорали парни все разом. – Скорей бы!

Может, теперь уже настало?

Постскриптум. Все женились, кто хотел, в тот год. Только необычно. Гена на невесте охотника. В ней всё соединилось так, как хотелось ему. Охотник женился на девушке из русской деревни. Она могла сидеть дома, как мёртвая белка, и управляться по хозяйству. Парни с граблями тоже нашли своих невест. Дракон, видно, пошаманил. Вот ведь как. Ведь можно, мирно-то.

Светлана Кочарина

Мыски

Дракон

Когда стражник грубо протащил меня по коридору – так, что я локтями собрала все неровности каменных стен, – я не обиделась. Что поделать, работа у парня такая, он вовсе не обязан быть со мной обходительным. И когда он ткнул меня в спину остриём копья, чтобы поторапливалась, я опять поняла. Сегодня в замке праздник – стражник тоже человек, тоже хочет повеселиться. Но когда, отвечая на вопрос встретившегося на пути другого стражника «Куда ведёшь?», он ответил «Да вот, мясо для дракона», я не выдержала.

– Скотина! – мстительно сказала я, пнув стражника по коленке.

Он взвыл и присел.

– Чего обижаешься? – жалобно спросил он, косясь на меня коричневым глазом. – Я ж правду сказал.

– Это мы ещё посмотрим, кто для кого мясо, – оцетинилась я. – Веди давай!

– Сдурела, девка? – он едва не расхохотался. – Сколько вас было, ни один не выжил.

– Ну и ладно! – ответила я мрачно. – Идём мы или нет?

– Пришли уже, – стражник с трудом отодвинул тяжёлый ржавый засов, приоткрыл дверь и впихнул меня в дыру.

– После праздника принесу тебе пожрать, – он ухмыльнулся. – Если, конечно, будет кого кормить.

– Будет! Лишь бы принёс! – отозвалась я глухо.

И дверь захлопнулась.

Оглядевшись, я поняла, что нахожусь в пещере. Может быть, она была тут или её вырубил в горе, и один из коридоров замка подвели вплотную. Пещера была просторная, вытянутой формы, с довольно

высоким потолком. Одной стены не было – я видела зелень ближнего леса и голубое небо, с которого медленно сползало солнце.

Напротив меня, у стены, спал дракон. Не слишком большой – не проглотит меня за один присест, – но вполне может разорвать при желании. Дракон был зеленовато-коричневый, из рода скалистых драконов. Я таких часто видела, лазая по горам, а иногда и выслеживая их пещеры.

Я вытянула шею, стараясь рассмотреть перепончатые, почти прозрачные крылья, сложенные вдоль спины. Крылья имелись. На секунду я задумалась – почему дракон не улетает из пещеры, – но сразу увидела мощную цепь, охватывающую шею ящера.

А почему жертвы дракона не воспользуются выходом? Вот же она – свобода! Я по стене прокралась к краю и глянула вниз. Та-ак, понятно! Абсолютно вертикальная скала уходила вниз, где бушевала и швыряла ключья пены горная река. Спуститься невозможно. Разве что головой вниз, решив покончить самоубийством. Я вздохнула. Снова оглядела пещеру. Возле стены, неподалёку от места, где спал дракон, имелось озерко, а в нескольких шагах от первого ещё одно, поменьше. Интересно, вода там пресная?

В самой дальней стене, у пола, имелась дыра. Чуть больше моей головы. Я подумала, что оттуда могут вылезать крысы, и решила действовать. Стражник так торопился на праздник, устроенный местным графом, что не обыскал меня и не отобрал мою походную сумку. Я дёрнула плечом, скидывая её с себя, села на пол, а потом, действуя и носом, и зубами, выудила оттуда зачехлённый нож. Прижимая его коленом к полу, стащила чехол. Потом развернулась спиной и подняла нож руками, стянутыми за спиной верёвкой. Пара движений, и верёвка была разрезана. Я усмехнулась. Зря ты, стражничек, сомневался во мне. Где меня только черти не носили, и то не погибла! А уж тут постараюсь выжить!

Верёвку я распутала. Короткий, перерезанный кусок пришлось выкинуть, но остались ещё два, вполне приличной длины. Я сунула их в сумку – пригодятся! Потом я снова подошла к краю пещеры. Внимательно оглядев склоны, я заметила метрах в трёх снизу и немного слева небольшую площадку. Туда можно было добраться, имея достаточной длины верёвку и отсутствие страха. Ну, и разумеется, с риском для жизни. Верёвка у меня была коротковата, поэтому спуск на площадку я решила отложить до... короче, до каких-то времён.

Развернувшись в пещеру, я увидела, что дракон смотрит на меня.

– Мы, значит, проснулись? – я не испугалась: что я, драконов не видела? Видела – и побольше, и пострашнее.

Дракон рассматривал меня узкими рубиновыми глазами. Рассматривал без злобы, просто с любопытством. А может, прикидывал, сколько во мне мяса...

– Интересно, цепь у тебя длинная? – спросила я дракона, делая мелкие шажки в сторону озерка. – Хоть напиться я успею? Меня, знаешь ли, неожиданно поймали. А я только поужинать собиралась! Сволочь этот

граф, возомнил, что все близлежащие леса – его. А я там такую интересную штуку нашла!

Так приговаривая, я добралась до озера и, присев возле него, принялась умываться. Вода текла из каменных плит, на высоте моей головы, собиралась в каменной чаше и постепенно просачивалась в тончайшие щели на дне чаши. Личное озерко со сменой воды! Я ухмыльнулась – кто сказал, что невозможно найти удобства в каменной пещере?

– Искупаться, что ли? – задумчиво спросила я вслух.

Пока я добиралась к озеру, дракон следил за мной, лениво перекладывая лапы с одной на другую. Он не сделал попытки подняться или броситься, из чего я заключила, что его цепь до озера не достаёт. Когда я упомянула о купании, дракон вдруг фыркнул, раздув солому на своём лежбище, и отвернулся.

– Ты застеснялся? – хмыкнула я. – Ты мальчик, да?

Дракон гордо повёл спинным гребнем, но даже не взглянул в мою сторону.

– Эх! – я сбросила пыльную одежду и влезла в холодную воду озера. За всю свою бродячую жизнь я привыкла к холодным водам рек, прудов и озёр, в которых мне приходилось полоскать своё тело и стирать одежду. Горячая ванна была для меня роскошью, и эту роскошь я имела, лишь останавливаясь на ночлег в какой-нибудь деревне.

– Вот теперь другое дело! – я прыгала, вытряхивая воду из уха. Одежду я стирать не стала, просто почистила и смыла пыль с кожаной жилетки и с обуви.

– Теперь осталось подкрепиться, – я вернулась к лежащей возле стены сумке. Нашарила в ней пару яблок, и, усевшись прямо на пол, впилась в яблочковый бок.

– Ты яблоки, небось, не ешь? – спросила я дракона.

Тот издал странный звук – похожий одновременно на смехок и хрюканье.

– И зря! – сказала я укоризненно. – Яблоки, они – витамины! Хотя, помнится, стражник поесть обещал принести...

Дракон снова фыркнул.

– Напьётся и забудет? – я кивнула. – Я тоже так думаю. Да и ладно! Лишь бы завтра не забыл, а то ведь...

Я вздохнула и принялась осматривать пещеру на предмет поспать. Единственное удобное место – ложе дракона. Но ведь не лезть к нему! Я повозилась, устраиваясь на каменном полу пещеры. Уже стемнело. Из-за отсутствующей стены пещера хорошенько продувалась ночным воздухом, и меня пробирал озноб.

– У тебя, небось, тепло, под боком-то... – мечтательно пробормотала я, сонно жмурясь на дракона.

Тот странно кашлянул и слегка подвинулся на соломенной лежанке.

– Предлагаешь присоседиться? – весело спросила я. – Извини, дорогой, мы с тобой почти не знакомы! А с незнакомыми мужчинами я не сплю! Правило у меня такое!

Я перевернулась на другой бок, подобрав под себя ноги.

– Кстати, меня зовут Сташа, – едва ворочая языком, зачем-то представилась я дракону. Зная пищу по имени, он не станет меня есть? Обдумать это как следует, я не успела. Уснула.

Разбудило меня позвякивание и скрежет. Я приоткрыла глаза, и в них сразу ударило солнце – первые его лучи, уже жаркие и длинные, стелились по полу и стенам пещеры. Я похлопала лупиками, сгоняя сон, и определила, откуда идут звуки.

Дракона на лежанке не было. Он стоял возле ближнего озера и с хлюпаньем пил оттуда. Цепь на его шее позвякивала, а скрежет шёл от когтей, скребущих каменный пол пещеры.

– Раззетить твою етить! – негромко, но с чувством, сказала я. Значит, его цепь достаточно длинна. До первого озера он достаёт. Интересно, до второго тоже?

– Что, как деликатес я тебя не прельщаю? – спросила я, когда дракон, напившись, вернулся на лежанку. – И правильно, какой тут деликатес? Так, суповой набор... – я со вздохом ошупала свои бока и тут услышала скрип открываемой двери. Точнее, не самой двери, а небольшого прямоугольного окошка на ней.

– Эй! Девка, ты жива!? – раздался голос стражника, и в окошко попыталась заглянуть его надутая рожа.

– Жива. Хватит орать! – отозвалась я, подходя ближе. – Еду принёс?

– Держи! – в окошечко просунулась деревянная миска. – Вечером ещё принесу.

– Ну и паёк! – я понюхала сероватую массу: кажется, этому полагалось быть кашей, – и кусок мяса, непонятно от какого животного.

Я поставила миску на пол и села возле неё, скрестив ноги. Некоторое время я рассматривала содержимое тарелки, потом пошлёпала его ложкой. Ложка прилипла и не желала отдираться.

– Какой-то у неё зловещий вид, не находишь? – я задумчиво посмотрела на дракона и поразились голодному блеску в его глазах.

– Хочешь, поделюсь? – я подвинула миску к ящеру и, увидев, как вспыхнули рубиновым цветом зрачки, решила:

– А! Ешь всё! А то у меня от одного вида этого лакомства живот крутит.

Я поставила миску перед самой лежанкой и убралась обратно, к дальней стене. Дракон шумно вздохнул и заграбастал миску.

– Кажется, в отличие от меня, тебя эта бурда вполне устраивает! – удивилась я, когда из клыкастой пасти полетели комочки каши. То, что именовалось мясом, дракон проглотил в секунду.

– Ну и ну! – я почесала затылок. – Тебе это на один зубок! Они совсем тебя не кормят, да?

Дракон деликатно отодвинул миску, лапой поелозил по морде и сел возле лежанки, будто пёс. Я некоторое время соображала, поглядывая то на дыру в стене, за озерами, то на дракона.

– Попробуем поохотиться? – Я вытащила из сумки куски верёвки и принялась мастерить силки. Хитроумная петля и затягивающий конец – вот и вся премудрость. Когда я брожу по лесам, такие силки обеспечивают мне и завтрак, и обед.

День я провела, изучая склон. Та площадка – ниже и левее пещеры – не давала мне покоя.

Иногда я разговаривала с драконом. Точнее, рассказывала ему о себе.

– Я нахожу старые храмы и замки. Знаешь, раньше их было очень много, а потом люди уходили в строящиеся города и бросали всё. Сейчас много замков разрушено, заброшено. Я ищу их, там бывают интересные вещи. Кое-что я продаю, а бывает, и себе оставляю. Я люблю путешествовать, а для этого нужны деньги. Вот я и ищу всякое... Не сокровища... хотя попадается иногда что-то драгоценное, но по большей части, просто старинные и старые вещи. Тоже неплохо... Так вот и живу... – я говорила, дракон смотрел и слушал.

Вечером стражник принёс еду. На этот раз это была густая похлёбка со шкварками и несколько кусков ноздреватого серого хлеба. Я разделила ужин с драконом, а корки от хлеба решила использовать, как приманку. Разложила силки у дыры, сунула туда длинный кусочек и, намотав конец верёвки на руку, распласталась на полу.

Вскоре хлебный запах соблазнил обитателей норы. Из дырки показался длинный нос, а потом в сумраке пещеры заблестели маленькие круглые глазки. Я даже не дышала, боясь спугнуть добычу, дракон тоже затаился. Какое-то существо шумно суетилось возле силка. Вот оно не выдержало, сунулось за коркой, и я дёрнула за верёвку. Визг огласил пещеру, дав мне понять, что охота прошла успешно. Не выпуская верёвки, я подобрала с пола извивающееся животное. Это была горная крыса – помесь крысы и выдры – крупное и злобное создание. Даже сейчас она пыталась перегрызть верёвку или укусить меня.

– Нет уж! – я одним движением затянула узел. Крыса пискнула и обмякла. Мне уже приходилось есть таких. Мясо горной крысы горчит, но прекрасно утоляет голод. И жалости насчёт того, что я их ловила, не было – горная крыса не гнушается напасть на спящего человека и прокусить ему горло.

Я разделала тушку, вырезав несколько кусочков, которые можно съесть сырьём, а остальное отдала дракону. В темноте раздалось дружное чавканье, потом я сполоснулась в озёрке, напилась воды и завалилась спать у стены. Дракон тоже устроился на своём ложе. Но не спал, а наблюдал за мной – я видела блеск рубиновых глаз. Несколько раз дракон перекатылся с боку на бок. Потом лапой тяжело хлопнул по лежанке, и снова уставился на меня.

– Спасибо, мне и тут неплохо, – я улыбнулась. Могу поклясться, что на морде дракона отразилось разочарование. Шумно вздохнув, дракон снова порывлся в соломе и вдруг кинул мне что-то большое и мягкое.

– Перина! Или спальный мешок? – я вертела даденное, расстилала его. – А, впрочем, неважно! Спасибо! – я плюхнулась на пахнущий соломой матрас и провалилась в сон.

Ещё три прошедших дня почти ничем не отличались друг от друга. Я разговаривала с драконом, ловила пещерных крыс, а иногда и птиц, залетавших поклевать рассыпанные на краю хлебные крошки и комочки каши. Всю еду я делила с драконом, уже не боясь, что он меня съест. Правда, сперва я избегала оказываться вблизи своего чешуйчатого соседа, но на третий день, выходя из озера после купания, я ощутила на спине поток горячего воздуха, обернулась и уткнулась грудью прямо в драконий нос. Чешуйки царапнули мне кожу, волосы у меня стали дыбом от мимолётного ужаса, и я полетела в озеро, соскользнув на мокром камне. Дракон поймал меня огромной лапой, просто подхватив за талию. Некоторое время мы пялились друг на друга, причём я чувствовала, что в лапе дракона покоится не только моя талия, но и вся задница разом, а в рубиновых глазах отражалось что-то такое, что у меня пропали все слова. В этот момент я отчётливо поняла: дракон – мужчина, и густо покраснела, вспомнив, что ни капельки не стеснялась купаться при нём голышом.

Однако к вечеру стыд прошёл, и я, не выдержав холодного ночного ветра, соблазнилась соломенной лежанкой и перетащила матрас обратно к дракону. Теперь я спала, прижавшись к горячему драконьему боку, и чувствовала себя защищённой и счастливой.

На пятый день я выпросила у стражника верёвку, показывая сползающие штаны и говоря, что сделаю из верёвки пояс. Стражник поверил. Всё равно длины принесённой верёвки не хватило бы, чтобы спуститься даже до середины скалы. Зато её вполне хватило, чтобы спуститься до площадки! А именно это мне и было нужно. Я соорудила на каменном выступе ловушку из тех же кусков верёвки и камней – петля, лежащая на камне, перекинута через выступающий из скалы обломок, и закреплённая другим концом о больший камень, лежащий на выступе. Я долго таилась у каменной стены, вывозившись в пыли и каменной крошке, прежде чем в мою ловушку попала скалистая косуля. Она дёрнула петлю, и камень упал с выступа, мгновенно переломив ей шею. Косулю было несказанно жаль, но мне хотелось накормить дракона чем-то посущественнее крыс и жалких порций, выдаваемых стражником. Я видела, что дракону мало этих пайков, и голод постоянно мучил его.

Как я добиралась до пещеры, вообще отдельная песня. Хорошо, что горная косуля мне попала не слишком большая – молодая самочка. Будь туша чуть покрупнее, она перетянула бы меня, и вряд ли дракон дождался бы своего ужина. Но обошлось. Я привязала добычу на спину, и, рискуя сверзиться в бушующую реку и попросту свернуть себе шею, поползла по камням, обратно в пещеру. Не свернула, но ладони и колени превратились в фарш, а жилетка повисла клочьями. Зато туша косули

была доставлена дракону в целостности и сохранности. Он ел, а я отмокала в озёрке, пища от боли в содранных конечностях.

– Вот теперь другое дело! – воскликнула я, когда дракон закончил трапезу. Сказала и прикусила язык. Дракон и правда, стал выглядеть как-то иначе. Появилась гордая осанка, он словно стал выше ростом. Глаза приобрели яркость, которой не было раньше, да и цепь теперь не тянула его вниз. Теперь она вообще смотрелась на нём нелепо – словно игрушечная. Этот вид дракона смутил меня, я даже отступила к дальней стене. И вдруг он низко поклонился мне, слегка разведя лапы в стороны. Дракон мне поклонился!

– Да не за что! Мы же свои... – и что я, дура, болтаю!?

Заскрипел засов, окошечко отворилось, и в него заглянула хмурая физиономия стражника. Не моего знакомого, а другого – носатого и злобного на вид. Он обвёл взглядом стоящего на задних лапах дракона и растерянную меня и скрылся. А в окошечко заглянул первый, знакомый мне.

– Что обед не несёшь? – спросила я. – Точнее, уже ужин.

Стражник замаялся. Его смущённый вид ужасно не понравился мне.

– Что происходит? – прямо спросила я. – Поделись, а? Меня же касается?

– Касается... – промямлил стражник, колеблясь. У него явно чесался язык, но он боялся.

Я решительно схватила с пола сумку и нашла в потайном кармашке маленькую, с мизинец, золотую статуэтку – мою последнюю добычу из храма Святой Артемьи.

– Отдам тебе, если расскажешь! – я покрутила перед носом стражника фигурку и отметила алчный блеск глаз.

– Ладно, расскажу! – стражник торопливо закивал и понизил голос: – Граф решил, что сильно накладно держать тебя и дракона. К тому же дракон никак тебя не ест. Граф велел привести тебя к нему, понравишься – станешь любовницей, не понравишься – или слугам отдадут или продадут, а может, ещё куда. А дракона, – стражник покосился на моего соседа, – его на Бой. Ну, там с волком, или с ещё каким зверем! Тоже зрелище, потому как у графа гости, а развлекаться надо! Давай статуё-то! – торопливо завершил он.

– Развлекаться им! – я сунула обещанное стражнику, и он скрылся, захлопнув окошечко.

– Вот сволочи! – я нервно забежала по пещере. – Пусть друг дружку грызут! В любовницы?! Да лучше вниз головой! – я подошла к самому краю. Вниз головой мне не хотелось. Хотелось жить. Но не в качестве графской любовницы.

– Что же делать-то? – я чувствовала, как дрожат у меня губы и глаза набухают слезами. Я ненавидела себя за эту слабость, но ничего не могла поделать.

Дверь распахнулась, вошло шестеро стражников.

– Ты – девчонку, остальные дракона! – скомандовал первый. Стражники пошли вперёд, я отступила, уже готовая покатиться вниз по камням.

И тут дракон дунул огнём...

Горелое человеческое мясо пахнет отвратительно. А когда это мясо от страха напустит полные штаны – вообще невыносимо. Ор стоял такой, что меня эхом едва из пещеры не вынесло. Стражники катались по полу, стараясь сбить пламя, и орали. Командовавший до этого ринулся в раскрытую дверь, и только топот по коридору. Следом за ним убежало ещё трое. Пятый, изображая факел, доковылял до края пещеры и рухнул вниз. Шестому повезло больше – он упал в озерко и зашипел, словно рассерженная змея.

– Раззетить твою... – потрясённо выдавила я. – Так ты – огнедышащий!? Мог бы и мясо поджарить в таком случае!

– Не мог, – лаконично отозвался дракон. – Сил не было.

– А... А!?

– Ещё и говорящий! – кивнул он головой. – На это у меня тоже не было сил. Я, с тех пор как попал в плен к этому графу, был истощён. Меня же не кормили совсем, только пленников подсовывали, – на мол, ешь. А те – или с ума от страха сходили, или в пропасть прыгали. Только ты и выдержала. Да ещё и едой поделилась.

– Надо убираться отсюда, – я постепенно приходила в себя. – Сейчас сюда толпа стражников набегит. Ты пройдёшь по коридору?

– Зачем по коридору? – спокойно отозвался дракон. – Вот же открытая дорога! – он кивнул на дыру.

– А, ты же летать умеешь! А цепь?

Дракон презрительно ухмыльнулся. Взялся за кольцо на шее лапами и одним движением разорвал пополам, словно оно было глиняное.

– Драконы очень сильны, – пояснил он. – Особенно если как следует питаться. Летим?

– Я так и не поняла, почему ты меня не съел? – вздохнула я, закидывая сумку на плечо.

– Люди ядовиты, – дракон расправил крылья.

– Чего? – я поперхнулась. Потом рассмеялась: – Хорошая шутка!

– Это не шутка, – возразил дракон. – Только в сказках драконы едят людей. А на самом деле, человеческое мясо – верный способ отправиться на тот свет. А я там пока ещё ничего не забыл! Полетели же!

– Полетели, – я взобралась на спину дракона и не выдержала: – Гы! Гы! Гы! – смех так и лез из меня, и, когда дракон взмыл в небо, я расхохоталась в голос. Оказывается я – ядовитая!

Прибежавшие в пещеру по тревоге стражники навсегда запомнили эту картину – на сверкающем чешуёй изумрудном драконе сидит маленькая фигурка с развевающимися волосами, и торжествующе и безумно хохочет. И они улетают в неизвестном направлении...

Драконовские меры

Принцесса лежала на соломенной подстилке, отвернувшись к стене, и рыдала уже второй час, но на дракона это не производило особого впечатления. Злобный ящер был занят тем, что угрюмо слонялся по пещере, выметая куриным крылышком пыль и мусор из всех углов своего мрачного жилища.

Наконец пленница отчаялась вызвать жалость к себе со стороны бессовестного монстра, так нагло похитившего её чуть ли не из самого дворца и задумалась о своей тяжкой доле. А поскольку во дворце её учили чему угодно – от вышивания крестиком до основ международного этикета – но учить принцесс основам мыслительного процесса отчего-то нигде не принято, думать получалось плохо. К тому же слёзы затекли в правое ухо, в нём противно зашумело, захлопало, и лежать дальше стало невозможным.

Оглядевшись, принцесса решила, что быть немедленно съеденной ей не грозит, а значит, самое лучшее сейчас – это попытаться наладить хоть какой-то контакт с похитителем.

Она надменно задрала подбородок и почти торжественно изрекла:

– И как мне прикажешь к тебе теперь обращаться? – в последний момент подкачала вопросительная интонация, и фраза получилась от этого ещё более нелепой.

Дракон резко повернулся, как будто не ожидал услышать что-либо из этого угла, с минуту разглядывал нахальную добычу, и потом хрипло произнёс:

– Меня зовут Тильда.

– Что?? – от замешательства принцесса разом растеряла всю свою надменность. – Но это же женское имя...

– Да, – подтвердил дракон.

– Но... – принцесса наконец догадалась. – Так ты дракониха?

– Я драконесса – древнее и прекрасное создание, мы были, между прочим, первыми на этой земле, – теперь надменность дракона ничуть не уступала принцессе. Последнюю, наоборот, это обстоятельство чуть ли не развеселило. Почувствовав облегчение, она только рукой махнула:

– Да ладно... Драконесса, дракониха, какая разница... Прекрасная и древняя, скажет тоже...

– Ладно. Тогда ты у нас будешь принцессиха.

Юная нахалка сначала надулась, потом с минуту подумала и примирительно сказала:

– Меня зовут Ликаста.

– Договорились... – хмыкнула Тильда, – чай будешь?

– Эй, там какой-то человек, – принцесса взволнованно дёрнула дракона за кончик крыла, привлекая внимание. – Он уже минут пятнадцать чуть ли не пляшет на поляне в пределах видимости.

– Рыцарь что ли? Рановато...

– Нет. На рыцаря не похож.

– А-а... Это почтальон. Он газету мне принёс. Спустись, забери у него, – сонно пробормотала Тильда, зевая во всю пасть, но в последний момент спохватилась. – Нет! Стой! Я сама сейчас выйду.

Через минуту она, задумчиво теребя чешуйку на подбородке, проглядывала последний выпуск «Дворцовых ведомостей»:

– Так. Что тут у нас? Бал, официальный приём, попытка самоубийства фрейлины, официальный обед, раскрытый заговор, официальный ужин...

– И часто он приносит тебе почту? – вмешалась в это бормотание принцесса.

– Да каждую неделю, – рассеянно отозвалась Тильда, продолжая просматривать газету.

– Но почему?

– Я обещала его не есть, если он оформит мне бесплатную подписку на «Дворцовые ведомости».

– То есть если он перестанет приносить газету, ты его съешь?

– Да нет, конечно. Вот ещё. Просто давно заметила, что люди почему-то работают эффективнее, когда пообещаешь их не есть. Вот. Нашла. Похищена всеми горячо любимая принцесса Ликаста. – Тильда оторвалась от чтения и придирчиво рассмотрела принцессу, видимо, пытаясь отыскать в ней что-то настолько горячо любимое, но, не найдя, снова уткнулась в газету, – Все скорбят... Тыры-пыры... Принц Фридегарт, имечко-то какое... Что? Официальный жених? Вот угораздило... И как ты его ласково зовешь? Фрида? Отправляется в поход? Да здесь на лошади галопом два часа скакать. Какой поход? Ещё и со свитой сюда потащится?

Принцесса, заметно погрузневшая при упоминании этого имени, поморщилась:

– Естественно. Как же он будет побеждать дракона без толпы свидетелей.

– Вот это представление будет. А ты чего скисла? Замуж хочешь?

– Хочу... наверное. Только чему тут радоваться? Ты ж его съешь.

– Ну, кто ж меня знает? Может, и не съем. Как будет себя вести...

– Тильда, ну, объясни, наконец? Зачем ты меня похитила? Ты же даже не дракон?

– Что? Как это не дракон?

– Ну, я же не в этом смысле.

– Почему-почему? Потому что. Драконам полагается похищать принцесс, а рыцарям положено этих принцесс освобождать.

– И кому от этого польза?

– В первую очередь – тебе.

– Мне?? – Ликаста даже кулачки упёрла в бока от возмущения. Получилось, правда, не слишком грозно, скорее смешно.

Дракониха вздохнула:

– Любой муж, хоть король, хоть дворник, будет иначе относиться к своей жене, если он когда-то вырвал её из лап дракона. Я думаю, что было бы намного полезнее для супружеской жизни, если бы каждую невесту предварительно похищал дракон. Но, к сожалению, драконов на всех не хватает. Так что считай, тебе крупно повезло.

Освободительный поход к логову дракона продолжался два дня. За это время прямо на марше провели три официальных приема, два торжественных обеда в честь будущего победителя дракона, один торжественный ужин. Проходящих неподалеку бродячих цирковых артистов сгребли до кучи, и вся эта разномастная процессия, наконец, к вечеру второго дня выкатилась на поляну перед драконьей пещерой.

Принц Фридегарт решил, что выходить на поединок с монстром на ночь глядя будет как-то несолидно, и распорядился разбить лагерь на ночь. Попытались устроить ещё один торжественный ужин с цирковым представлением и фейерверком по случаю завтрашней победы над драконом, но разгневанный рёв упомянутого дракона, больше расположенного вздремнуть перед битвой, чем наслаждаться фейерверком в свою честь, положил конец всем планам и приготовлениям. Ужинать пришлось в темноте и всухомятку.

– Ну как я выгляжу? – лучась самодовольством и горделиво оглаживая золотистое брюхо, поинтересовалась Тильда.

– Как дракон, – отозвалась принцесса. – Хотя, по логике, этот вопрос должен больше волновать меня. Меня же пришли спасать.

– Но сначала я буду развлекаться... – заявила дракониха, выползая из пещеры.

Вернулась она минут через пятнадцать страшного грохота, во время которого принцесса боялась даже дышать в полную силу.

– Нет, это просто ни в какие ворота не лезет! – возмущалась Тильда, стряхивая с крыльев сажу и кусочки обугленной бумаги. – Притащить почти пороховой склад почти в самое логово дракона! Самоубийца твой гениальный принц, иначе не назовёшь!

Когда Тильда немного остыла в прямом и переносном смысле, Ликаста выяснила, что всё-таки произошло на месте благородного поединка вместо самого поединка. Покружив над поляной, размяв крылья и уже одним этим основательно нагнав страху на собравшуюся толпу зевак, дракониха выбрала место, где не было людей, а лежала груда каких-то пыльных коробок и пустила туда мощную струю пламени. Фейерверки бродячего цирка, лежавшие в коробках, ответили почти артиллерийским залпом, который, возможно, и обеспечил бы победу над драконом, если бы гипотетические победители не разбежались в панике, побросав и остатки торжественного завтрака, и повозки с провиантом, и рыцарских коней, которым пришлось скакать вдогонку за своими рыцарями.

– А где принц? – печально спросила Ликаста.

– А кто ж его теперь знает. Если он нечаянно убился где-нибудь, то ответственности за это я не несу. А что, сильно скучать будешь?

Принцесса промолчала.

Дни в пещере потянулись однообразные до отвращения. Утром Тильда улетала на охоту и возвращалась к полудню с тушей барана или козла. Ликаста, поедая жаренное на драконьем огне мясо, каждый день давала себе клятву стать вегетарианкой, когда всё это закончится. Однажды она не удержалась и спросила свою тюремщицу:

– А ты не боишься, что я убегу, пока ты будешь на охоте? За день доберусь до дворца.

– Нет. Не боюсь, – с достоинством ответила Тильда. – А если ты такая дура, что убежишь, то так тебе и надо.

– То есть? – не поняла принцесса.

– Хочешь сидеть весь век в девках – беги, пожалуйста. Можешь даже не ждать, когда на охоту полечу, а топать прямо сейчас. Только потом не жалуйся, когда венценосные женихи будут десятой дорогой обходить принцессу, самостоятельно спасающуюся от дракона. И будут при этом совершенно правы. А вдруг новоиспеченная королева и государством самостоятельно управлять захочет?

– И что мне теперь делать?

– Ждать.

– Так уже второй месяц пошел, как я тут, – вздохнула девушка.

– Что поделаешь, настоящие принцы – это теперь почти такая же редкость, как настоящий дракон.

Что это? – в один голос воскликнули дракон и принцесса, стоя на пороге пещеры и вглядываясь в пугающую своей нелепостью фигуру на дальнем краю поляны. Всадник ехал на ослике, вместо щита у него был лист кровельного железа с приваренной ручкой от кастрюли, конструкция на голове, призванная выполнять обязанности шлема, больше всего походила на ту самую кастрюлю, с которой отломали ручку для щита. Меч в его руках был очень красивый, но деревянный, из тех, которыми лупят друг друга скоморохи на ярмарках.

Тильда и Ликаста в полном замешательстве попятнулись вглубь пещеры.

– Нет! Только не это! – принцесса обессиленно сползла по стене.

– Ты его знаешь?

– Это сын пекаря. Мы играли с ним в детстве, пока меня не застали однажды в его обществе за кражей яблок из дворцового сада и не заперли в покоях.

– А зачем было их красть? Ты же принцесса, тебе что, яблок в детстве не давали?

– Ну, играли мы в благородных разбойников, как будто отбирали у богатых и отдавали бедным.

– Ага. Тогда понятно, почему тебя заперли. А здесь ему что нужно?

– Понятия не имею, – излишне поспешно попыталась отпереться принцесса, но покраснела, возмущённо засопела и, наконец, попросила:

– Не ешь его только, ладно?

– Вот ещё, больно надо мне вас всех есть. Я костями не питаюсь, если что. А сын пекаря мог бы быть и поупитаннее. Так. А ты что всполошилась? Он тебе нравится?

– Да не в этом дело. Он просто очень упёртый, его фейерверком не отпугнёшь, как принца. Его либо есть придется, либо... – завершать свою речь Ликаста не стала, всё и так было понятно.

– Ясно, – хмыкнула Тильда и на минуту задумалась, а потом напрямую спросила: – Хочешь за него замуж?

Принцесса аж подпрыгнула:

– Я? За какого-то пекаря?

– А что? Будет тебе по утрам горячие круассаны и кофе в постель подавать... – Тильда мечтательно облизнулась.

– Для этого есть горничная.

– Фрр, горничная, скажешь тоже. Вот когда любимый, то можно даже не кофе, а простой кипяток... Ну, решайся! Нужен он тебе или нет?

– Но он не рыцарь даже. Это не по правилам.

– Нашлась поборница правил. Да сделают его рыцарем. В следующем же номере «Ведомостей» напишут, что доблестный рыцарь как-его-там в неравном бою победил зловредного и безжалостного дракона и спас прекрасную принцессу из позорного плена. Хотя совершенно не понимаю, почему позорного. Как его зовут кстати?

– Поль.

– Ну вот. Хотя имя человеческое, язык не сломаешь.

Принцесса потопталась ещё немного возле входа в пещеру, перебрала возможных кандидатов в спасители из всех окрестных королевств, величественно кивнула дракону, отошла в сторону и стала ждать, когда её спасут.

Надежда Калашникова

Новокузнецк

Мечта дракона

По воде бежит рябь, переливаясь под солнцем. Закутанная в серый плащ фигура стоит, укрываясь среди буйства зелени, и наблюдает за девушкой, сидящей на кромке берега.

Руки её не знают покоя – теребят подол платья, перебирают мелкую гальку под ногами... или просто сжимаются в замок до побелевших костяшек. Им бы обнимать золотой изгиб арфы, касаться натянутых, как

тетива, струн в поиске мелодии – грустной, восторженной ли, но всегда проникающей в самое сердце...

– Почему же ты не играешь, менестрель?.. – кажется, спрашивает ветер, ласково треплющий светлые волосы девушки. – Почему?.. – чудится, шепчутся листья в высоких кронах, порой отпуская своего собрата в полёт, и тот, кружась, приземляется ей на колени, словно стараясь утешить. Но сухи серые, как осеннее небо, глаза, обращённые вдаль, и покинули их прежние задорные искорки.

– Ветер, ласковый ветер, – едва слышно шепчут губы, словно не хотят отпускать на волю печаль даже в одиночестве. – Мою госпожу унёс дракон... Долго ли мне ещё ждать её возвращения? Я бы играла в ожидании, но проклятый ящер унёс и мою арфу... И с тех пор не находят применения руки, и скована молчанием душа...

Фигура в плаще также неслышно отступает назад. А серые глаза закрываются, и словно наяву встаёт тот день перед арфисткой...

Солнце пронизывает королевский сад, и зелень листвы плещется в его лучах, радуясь погожему дню. На резной скамейке под распустившимся кустом белых роз сидит девушка с точёным гордым профилем. Голубое одеяние её расшито золотыми нитями, и золотой же обруч охватывает тёмные волосы.

– Эхеан, ты снова навеваешь тоску!.. – капризно обращается она к другой девушке, наигрывающей на арфе печальную музыку. – Сыграй что-нибудь весёлое наконец!..

Пальцы арфистки замирают над струнами, последний протяжный аккорд всё ещё длится...

И обрывается внезапным рёвом, от которого тёплая кровь холодеет. Солнце меркнет, перекрываясь громадным крылатым телом. Зелёная чешуя искрится и переливается. Дракон, круша деревья и клумбы, опускается рядом и, сверкнув янтарными глазами, рокошет.

– А! Тебя-то мне и надобно, королевская дочка!.. – и тянется к ней лапой с кривыми когтями; каждый – величиной с ладонь. Принцесса, опомнившись, поднимает визг. От дворца уже торопится стража с мечами – но чем броне страшна сталь?..

Менестрель же, заслонившая собой принцессу, не имела и её. Так нелепа фигурка в сером платье, что пытается закрыть от дракона его добычу...

– Думаешь, сумеешь мне помешать? – смех вырывается из пасти вместе с язычками пламени, и один из них опалает Эхеан.

Принцесса замолкает – от неожиданности. Райнен Великолепная привыкла, что ловят её каждое слово и повеление, но от застенчивой арфистки не ждала подобного поступка.

Кричавшую и потрясавшую железом стражу отделяет от девушек шагов пять. Дракон не ждёт, пока те их преодолют: вытянув левую лапу, подхватывает принцессу и разводит за спиной крылья.

...Уже поднимаясь в воздух, другой лапой он цапнул из рук Эхеан музыкальный инструмент – её арфа была покрыта золотом.

В сумраке пещеры вспыхивают искрами драгоценности, грудями сваленные повсюду. Изобилие сокровищ ошеломляет даже Райнен, хотя к золоту принцессе не привыкать.

– И всё-таки: зачем я тебе? – спрашивает она, когда понимает, что есть её или заживо сжигать никто не собирается. – Почему драконы с таким упорством стремятся заполучить принцессу?..

Оглядевшись в поисках места, куда можно присесть, Райнен устало опускается прямо на кучу золотых монет: они также холодны, но хотя бы не колются.

– Это я сам хотел бы знать, – грустно отвечает чудовище. Положив голову на передние лапы, ящер задумчиво рассматривает пленницу. – Драконы всегда воруют принцесс и создают огромные запасы сокровищ. Я не знаю, почему они так поступают, но раз я дракон, – тяжёлый вздох проносится по пещере, – то надо соответствовать...

Принцесса осторожно произносит:

– Ты... как будто не рад быть драконом?..

Чудовище снова изрыгает пару язычков пламени. Усмехается?..

– Я был человеком. А как-то раз... поигрался с амулетом одним удачно... – дракон отводит взгляд. – Кстати, меня зовут Зольтах.

Райнен немного смущена: мужчина, судя по голосу – молодой... может, ещё и красивый... Она опускает голову, надеясь, что в полумраке тот не заметит её внезапного румянца.

– Колдунью просил я вернуть мне прежний облик... Она засмеялась и ответила, что человеком меня обратно делает только человек. А кто, как и, главное, когда – не сказала...

Солнце пронизывает королевский сад, и зелень листвы плещется в его лучах, радуясь погожему дню. Юноша-садовник занят привычным делом: подравнивает кусты белых роз – они вот-вот должны распуститься. Выдирая малейшие сорняки вокруг, снимая с колючих стеблей гусениц, любуясь набухшими нежными бутонами, Зольтах счастлив. Ему недавно доверили возделывать сад при дворце, и он всеми силами хочет здесь удержаться.

Внезапно что-то нестерпимым блеском вспыхивает в зарослях, и юноша наклоняется разглядеть, что же это. Золотой медальон на цепочке, на крышке – гравировка в виде трёх язычков пламени... Измазанные в садовой грязи пальцы вертят его – и медленно надевают на шею. Жаль, рядом нет зеркал – взглянуть, идёт ли ему дорогая вещь.

...На закате, собираясь домой, Зольтах вновь разглядывает находку – и обнаруживает, что у медальона откидывается крышка. Он уже почти надавил на неприметную защёлку, как вздрогнул от властного голоса:

– Откуда у тебя эта вещь?! Немедленно отдай!

Король Вернес Могучий кажется объят пламенем: закатное солнце садится за его спиной, и взглянуть ему в лицо, не жмурясь, невозможно. Не обращая внимания на требовательно протянутую руку, Зольтах возмущается – в мыслях – ведь это он нашёл медальон! Нечего разбрасываться вещами, если они вам дороги, Ваше Величество!

...Негромкий щелчок – и громкий треск ломаемых деревьев. Цепочка, разрываясь на шее дракона, вместе с амулетом улетает далеко в кусты.

Серое платье прячется под покровом серого же плаща. Босые ноги разгребают дорожную пыль – тоже серую. Мир утратил краски, сузившись до единственного мышиноного цвета.

...Дракон унёс принцессу четыре месяца назад. Король бросил клич о награде за её освобождение, и вереницы рыцарей потянулись к Клыкастой горе. Ни один из них не вернулся.

Сначала Эхеан терпеливо ждёт, когда Райнен вернётся, – так дитя ждёт ушедшую мать, прежде чем разразиться беспомощным в своём отчаянии криком. Но дни идут, а нет и намёка на возвращение принцессы.

Она пытается играть – но чужой инструмент остаётся чужим. Струны не слушаются, гриф холодит ладони и душу, мелодия не ложится на сердце. Ни изукрашенные изумрудами и рубинами – ещё более роскошные, чем её золотая арфа, – ни обычные деревянные не льнут к рукам.

На рассвете, не оглянувшись, королевский менестрель покидает дворец.

...Эхеан нашла ту арфу в пять лет где-то в бездонных недрах дворца. С трудом проволокла её по переплетению коридоров к себе – и больше не желала с ней расставаться. Сверкающая, как солнце, даже в самый пасмурный день, она стала продолжением рук и души менестреля, отогревая в ненастье и добавляя блеску праздничным дням. За полтора десятка лет она сроднилась с арфой настолько, что не представляла себя без неё.

Как и без Райнен.

Девочке десять лет, но выглядит она куда младше. Как загнанный и измученный зверёк, пугливо жмётся она в тень коридора. Тощий мальчишка в яркой крикливой одежде наступает на неё и, наслаждаясь происходящим, выкрикивает:

– И не смей больше ходить здесь! Тебе тут нечего делать... ты выродок, тебе место на конюшне, с лошадьми и конюхами!

Лицо мальчишки перекошено, он захлёбывается слюной, утверждая силу над девочкой, за которую некому вступиться.

Некому?..

Маленькая, но хлёсткая ладошка с размаху впечатывается в наглуго физиономию. Мальчишка разворачивается, готовый втоптать обидчика в мраморный узорный пол... и, отпрянув, растеряно бормочет:

– Ваше Высочество... простите...

Шестилетняя девочка с золотым обручем на голове презрительно окидывает его взглядом и велит убираться. Что тот и исполняет со всей поспешностью. А Райнен произносит, обращаясь к Эхеан:

– Если тебя ещё кто посмеет обидеть – сразу говори мне. – Голубые глаза не по годам серьёзны.

Эхеан, не веря, смотрит на принцессу – и на протянутую в дружеском жесте руку. Вспоминая что-то из подсмотренных церемоний, внезапно она опускается на одно колено и, целуя детскую ручку, говорит:

– Моя госпожа, я клянусь служить вам в горе и в радости, и быть с вами всегда рядом... если можно.

– Хорошо, – важно соглашается Райнен. И через секунду, превращаясь из королевской особы в ребёнка, с любопытством спрашивает: – А как тебя зовут?..

Шум, лязг металла. Что могло стрястись тёмной ночью? Принцесса встревожено приподнимается на ложе из вереска, который принёс ей Зольтах.

Дракон лениво поворачивает морду и приоткрывает левый глаз. Потом правый. Горячий вздох вихрем проносится по пещере:

– А... опять... Но почему обязательно ночью-то?! До утра подождать удержу нет?..

– Куда ты? – испуганно спрашивает Райнен вслед выползающему наружу ящеру.

– Гостей встречать дорогих, – ехидно бросает тот, не оборачиваясь.

...У подножия горы спешившийся рыцарь колотит снятым шлемом по щиту – и по собственным доспехам. Столь самозабвенно, что даже не сразу замечает плавно опустившегося рядом дракона.

– И чего шумим? Чего тишину нарушаем? – зевая во всю пасть, вопрошает тот.

– Я пришёл сразиться с тобой! И освободить прекрасную принцессу Райнен Великолепную!

– Так прекрасную или великолепную? – уточняет дракон. – А я-то думал, что полкоролевства хочешь...

Рыцарь водружает шлем на голову и на пробу рассекает мечом воздух.

Дракон снова неудержимо зевает и, тряхнув гигантской головой, заявляет:

– Хочешь принцессу? Забирай, пожалуйста. У меня лишь одно ма-а-аленькое условие. Верни мне человеческий облик.

– Так ты не дракон? – от недоумения рыцарь опускает меч. – Но я же не колдун, откуда я знаю, как тебе расколдоваться?

Зольтах вздыхает и – в который уже раз – повторяет:

– А меня и должен расколдовать обычный человек...

Рыцарь пожимает плечами... но внезапно вспоминает собственное детство...

Рыжий огонь в камине тёплыми неровными бликами освещает комнату. Он создаёт уют – и одновременно заостряет до предела темноту за окном и за приоткрытой дверью. Что за чудовища прячутся во мраке?.. Мальчик лет семи теснее прижимается к сидящему рядом человеку, чья голова давно побелела – от возраста и от пережитого.

– Дедушка, а почитай мою любимую, про храброго рыцаря Рамадзана и Синего дракона...

Дед слегка усмехается:

– А прекрасную принцессу Лириен ты, значит, не уважаешь? Напрасно... – и, получив в ответ нетерпеливый жест, спокойно продолжает: – Тогда иди и принеси мне книгу.

Ромел втягивает голову в плечи. Идти за книгой – туда, к чудовищам, в темноту... Не утешает даже то, что можно взять тройной подсвечник с зажжёнными свечами.

– Так что же, Ромел? Ты хочешь быть похож на Рамадзана? – отчаянный кивок. – Тогда тебе нужно сразиться со своим личным Синим драконом. Иди и возьми книгу. Посмотри в глаза своему страху.

Прерывистый вздох подозрительно напоминает всхлип. Но дед как будто этого не замечает и вкладывает в детскую руку подсвечник.

Ромел поднимается и, сделав два шага к двери, вновь застывает.

– Иди навстречу страху. Так делал Рамадзан. Так можно перестать бояться. Так станешь человеком.

Ладони противно покалывает, исцарапанные коленки чудом не подгибаются. Рубеж преодолён: комната осталась за спиной... И, разозлившись, Ромел внезапно идёт не в соседнюю, куда ему нужно, а в чернющий угол коридора, высоко подняв над головой подсвечник. Где там эти чудовища, пусть уже выйдут наконец!..

И долго стоит, пытаясь осознать, почему никаких чудовищ там не оказалось.

Когда он протягивает наконец книгу, дед, не глядя, кладёт её на колени и повторяет:

– Так становятся человеком...

Дорога делает поворот, и за стеной деревьев не видно, что за ним. Лишь слышен топот копыт. Эхеан отступает с тропы на луг – а то ещё затопчут с разбегу.

Породистый конь. Хороший меч. Доспехи – так себе, обычная медь, но прочная. Рыцарь не самый знатный, но толк в своём деле знает.

– Эй, красавица, куда направляешься? – всадник, придержав коня, разглядывает незнакомку. – Может, подвезти?..

Острый взгляд серых глаз обжигает сильнее пощёчины:

– Ноги пока целы.

Девушка торопливо скрывается за поворотом, надеясь, что всадник тоже двинется своей дорогой. Не тут-то было. Спешившись и быстро ведя коня под уздцы, он говорит в спину Эхеан:

– Я зла тебе не желаю, не вор и не насильник. Но тропа эта ведёт к логову дракона – а дальше тупик. Я сам оттуда возвращаюсь. Может, ты сбилась с дороги, так помогу выбраться.

Менестрель оборачивается. Светлая прядь выбивается из собранной вокруг головы косы, и её треплет налетевший ветер.

– Мне туда и нужно. Дракон унёс мою госпожу.

– Госпожу? Так ты из свиты принцессы? И пошла за ней в такую даль одна и пешком?! – во взгляде рыцаря теперь смешиваются недоверие, восхищение и уважение. Девушка в ответ лишь кивает – и продолжает путь.

– Вот это верность, – бормочет под нос Ромел, качая головой. – Да о такой только легенды складывают, и то через слово врут... Подожди! – окликает он Эхеан. И торопливо идёт за ней.

Рыцарь, с трудом удерживаясь в седле, возвращается домой. Раны дают о себе знать – в голень, сквозная, и ещё одна, невидимая, но всё равно ноет. Ромел возвращается один – его оруженосец сказал, что уходит к другому господину, более удачливому. Герб с полумесяцем в разрезе туч сияет не так ярко, как пристало бы победителю: некому надраить доспехи.

Но рыцарь улыбается, глядя окрест. Вот и рощица, за которой высится башня с окнами едва ли не в рост. Скоро, совсем скоро он обнимет красавицу-жену – и раны утихнут. Не исчезнут, нет, но болеть станут меньше.

Он не видел сочувствующих взглядов прислуги, пока эхо шагов раздавалось по коридору. Рванул желанную дверь на себя. И застыл на пороге.

Белизна двух тел – как белый гной на ране. Женский крик, суетливая бегодня усатого маркиза. Кажется, они встречались на каком-то приёме... Память отказывала.

Каролина падает на колени, что-то стонет. А Ромел слышит: «твоя... навеки...» – среди гроздьев сирени в сумерках, среди строгих стен под звон колоколов... И собственный шёпот – «Каролина!» – посреди боя и мрака, что поднимал лучше громких окриков военачальника.

В тёмных глазах вместо ярости – пустота.

– Ты не жена мне больше, – хриплый от сжавшего горло комка голос. – Уходи.

Кольцо, сдёрнутое с руки, со звоном катится под босые ноги женщины.

Болота... Проклятые болота. Страшна не столько трясина, сколько неясные блуждающие огоньки. Манят, дразнят, зовут за собой...

парализуют, пригвождая мощные лапы к земле. Кажется, от одного их вида на загривке шевелятся чешуйки.

Но он делает шаг вперёд. И ещё. Сам не понимает, как. Огоньки то приближаются, то вновь убегают в толщу ночного тумана. Сердце кузнечным молотом стучит в ушах. Но Зольтах очень хочет стать человеком. И, отчаянно сорвавшись с места, на бреющем полете летит навстречу проклятым огонькам.

Огромного усилия стоит не зажмуриться, но ему удаётся и это. Зольтах ждёт, что крылья просто откажут нести его и он рухнет в трясину, прямиком на издевательски мерцающие точки. Но внезапно они исчезают.

Дракон разворачивается, решив, что в темноте не заметил, как перелетел на противоположный берег. Но нет – ноздри по-прежнему щекочет запах тины и стоячей воды. Только пугающих огней он больше не может разглядеть, как ни всматривается.

...Зелёные бока всё ещё тяжело вздымаются. Зольтах прикрывает глаза и уговаривает себя успокоиться: в пещере уже жарко от его шумных вздохов. Но теперь в них слышится разочарование – ведь он по-прежнему дракон...

Принцесса, стоя на пороге, вглядывается в облитую лунным светом тропу, проложенную сквозь острые камни. Клыкастая гора не зря так зовётся – ни подняться сюда, ни спуститься вниз человеку почти невозможно.

– Хочешь вернуться? – интересуется Зольтах, чтобы отвлечься.

Райнен оборачивается. Признание вырывается весенним ручьём:

– Не хочу. – Спohватившись, быстро добавляет: – Но там мой дом... Отец... Королевство, наконец! И Эхеан...

– А это кто?

Не отвечая, девушка медленно идёт вдоль стены, ведя по ней нежной ладонью.

Чёрные клубы дыма вместе с алыми язычками пламени вырываются из драконьей пасти – и сваленные сучья занимают огнём. Зольтах подцепляет брошенную заячью тушку и, вспоров шкуру в нужных местах, снимает её. На золоте мерцает кровавый след, но Райнен уже привыкла к подобному зрелищу.

Дразнящий аромат щекочет ноздри. Принцесса сыплет в жаркое соль и пряности – скорее всего она вновь недосолила или бухнет слишком много перца. Но страдает от собственного неумения лишь она сама, а потому учится Райнен быстро.

Поужинав, она усаживается у порога на кучу вереска, заботливо принесённую драконом, обхватывает руки коленями и уводит взгляд в небо. На закате ещё розовое, над головой оно уже темнеет и кажется столь близким, что хочется протянуть руку – и коснуться первой звезды...

– Здорово, правда? – морда дракона укладывается рядом и с таким же мечтательным выражением любуется на тонкий серп молодого месяца.

Райнен кивает. Ей уютно рядом с чудовищем. Можно болтать, а можно просто молчать, как сейчас – и неизвестно, что греет душу

сильнее. Забота дракона окружает её, как объятия матери из смутных детских воспоминаний. Хотя здесь она не принцесса, а пленница.

Жёсткая чешуя слегка касается руки, и девушка вытягивает ноги, тайне надеясь, что дракон положит голову ей на колени. В самом деле, ему же наверняка иногда нужна подушка...

– Ладно. Ты как хочешь, а я спать, – внезапно заявляет Зольтах и уползает вглубь пещеры. Сворачивается там огромным клубком, пособачьи накрывая хвостом голову.

Райнен всё также смотрит на небо, но выступившие на нём звёзды уже не кажутся близкими.

– Ты будешь держать меня здесь, пока не встретишь того, кто вернёт тебе человеческий облик? – спрашивает принцесса, когда раздосадованный Зольтах протискивается под каменные своды. Очередной рыцарь просто ускакал восвояси после его признания, обзвав на прощание оборотнем...

Ящер не сразу оборачивается на голос Райнен, а та добавляет уже совсем тихо:

– А не думаешь, что это могу быть я?

– Ты? – удивляется Зольтах. Подобное ему как-то не приходило в голову. – Хмм... а что, вполне может быть... Что ж, попробуй. – В янтарных глазах дракона загорается надежда.

Всего лишь надежда... Ему нужна не принцесса, ему нужно расколдоваться – и забыть о проведённых здесь днях как о страшном сне...

Слеза скатывается по щеке, холодя кожу – и душу. Впервые Райнен понимает, почему её менестрель так часто играла печальные мелодии.

Нежные губы касаются шершавой драконьей чешуи. Девушка выдаёт себя с головой – но она должна хотя бы попытаться.

...Минуты текут. Чуда по-прежнему не случается.

Дракон разочарованно вздыхает:

– Ну, вот... Снова неудача. Пстой... а почему ты выбрала такой странный способ?

Принцесса вновь идёт вдоль стены – теперь уже обратно, к порогу. Волосы её свешиваются, заслоняя пылающее лицо – и печальные глаза. Зольтах запоздало соображает:

– Поцелуй... Поцелуй любящего рушит злые чары! Но... Райнен, это значит...

Та не отвечает, остановившись на пороге. Вновь смотрит на расстилающуюся под ногами даль. И очень хочет стать птицей – взлететь, подняться высоко-высоко в небо, подальше от земли и самой себя. И там, на высоте, сложить крылья.

Дракон же замолкает, не договорив. Прикрывает чешуйчатые веки, и прошлое уносит его на своих волнах...

Заря едва занимается, обливая небо золотой дымкой. Но Зольтах уже на ногах и возится в королевском саду. Он любит эти рассветные

утренние часы, когда все ещё спят и никто не мешает сосредоточиться на своих мыслях.

Все ли?

Протяжная, сжимающая сердце мелодия льётся откуда-то сверху. В хрустальной тишине звук отчётлив, будто играют прямо за плечами. Невольно Зольтах вертит головой в поисках источника музыки – и внезапно садовые ножницы падают из его рук на влажную землю.

Девушка на балконе дальней башни дворца. Ветер взмывает чёрные кудри, заслоняя лицо, к тому же стоит она в профиль. Оранжевый свет окутывает её фигуру, и кажется она сотканной из несмелых ещё рассветных лучей.

А мелодия продолжается, набирая силу. В ней отчаяние и безрассудство, и безграничная вера в жизнь и красоту мира. Садовник стоит и не может сделать ни шагу, зачарованный.

Последний аккорд повисает в воздухе росинкой на лепестке. Взмывает в последний раз смоль волос – и девушка уходит. Кто она? Знатная дама? Почётная гостя? Служанка?.. Зольтах не бывает внутри дворца, ночью в сторожке в глубине сада.

...С тех пор садовник не оставлял надежды ещё раз увидеть таинственную девушку, хотя и не представлял, как сможет её узнать. А через месяц он нашёл медальон.

На пороге пещеры вырастают два силуэта: пониже – в широком плаще, второй, позади – в доспехах, со снятым шлемом.

– Райнен! – тонкий, знакомый до сжавшегося сердца голос уносится под своды.

Дракон недоумённо поворачивает тяжёлую голову: ещё ни один человек не осмеливался сюда забираться. А принцесса, замерев на мгновение, срывается с места. Сноровисто перебравшись через разделявшие их груды сокровищ, заключает менестреля в объятия. Лица у обоих светятся ярче драгоценных камней под лапами дракона.

Райнен первая разжимает ладони и спрашивает:

– Как ты здесь оказалась?

– Пришла за тобой, – спокойно отвечает Эхеан, и глаза её лучатся.

Принцесса оборачивается на Зольтаха, потом смотрит на Эхеан и вновь – на дракона.

Рыцарь же, тенью подпирающий стену, с любопытством рассматривает Райнен. Но горестный вскрик менестреля отвлекает его, и он, выхватив меч, принимает боевую стойку и оглядывается, готовый защищать её от неведомой угрозы.

Эхеан же бросается куда-то в угол пещеры – и, наклонившись, замирает. В наступившей тишине её всхлип слышится отчётливо, как звук упавшего с обрыва камня.

Она оборачивается, держа на вытянутых руках свою арфу. С порванными струнами.

В тёмном небе расцветают узоры салютов – сегодня день рождения принцессы. Не смотрит на них лишь маленькая фигурка, бессильно прислонившаяся к воротам дворца. У её ног лежит неразлучная арфа с лопнувшими струнами.

Райнен смеялась, гости кружились в танце, благоухали свежесорванные цветы в вазах – а у Эхеан не было времени даже полюбоваться великолепием. Она играла весь вечер почти без передышки.

Завтра вновь идти к дворцовым музыкантам и просить струны. А после натягивать их изрезанными пальцами. Помочь ей вряд ли кто согласится – Эхеан недолюбливают во дворце, несмотря на явную благосклонность принцессы. Она давно привыкла к этому, но сегодня усталость взяла своё, и грязные разводы ползут по лицу от размазываемых слёз.

...Фигура в сером плаще вырастает бесшумно – и как будто из ниоткуда.

– Отчего плачет королевский менестрель? – Женщина. Лицо под капюшоном молодое, глаза старые.

Эхеан не знает, что ответить. Она не привыкла жаловаться.

Женщина смотрит на содранные в кровь руки Эхеан. На сжавшиеся плечи. Поднимает арфу и задумчиво перебирает свитые кольцами мёртвые струны.

Ладонь пересекает царапина. Женщина углубляет её, вжимая острые обрывки в кожу, и что-то шепчет. Тёмные в сгустившихся сумерках капли падают на арфу – и свёрнутые кольца струн распрямляются.

– Теперь их не порвать человеку, – молвит колдунья, возвращая инструмент. – Но и другими не заменить. Если всё же лопнут, тебе придётся искать замену – и чем-то жертвовать.

Колдунья растворяется в ночи прежде, чем Эхеан успеет хоть что-то сказать.

– Ты... безмозглая ящерица! – кричит Эхеан на дракона, не заботясь о том, что одним движением лапы он может оборвать её голос навечно. – Мало что украл мою вещь, так ещё и испортил! Теперь не починить... она была заговорена... – крик переходит в еле слышный шёпот.

– Ну я не знал же, – оправдывается Зольтах. Но менестрель не слушает его. В глазах её загорается мрачный огонёк, и девушка принимается расплетать уложенную вокруг головы косу.

– Может, струны всё же можно будет натянуть, – произносит принцесса. Эхеан не отвечает, расчёсывая золото волос поднятым золотым же гребнем. После оборачивается к Ромелу:

– Дай меч.

Тот смотрит на неё, не замечая, как рука сама протягивает оружие. И вскрикивает – кудри падают на сокровища, срезанные заточенной сталью.

Тонкие пальцы менестреля натягивают новоявленные «струны» – и на пробу касаются одной. Изумительной чистоты звук эхом разносится по пещере.

Эхеан опускается рядом с арфой. Смотрит на дракона, на свою госпожу, на рыцаря, в чьих глазах немой укор – и незнакомая доселе нежность. Они молчат – и тоже смотрят на менестреля.

Арфистка вскидывает руки, как крылья, в широких рукавах плаща – и тихий аккорд начинает мелодию, что так долго зрела без выхода.

Три пары глаз почти одновременно закрываются – потому что так проще справляться с болью и радостью, что, переплестясь теснее влюблённых, текут по венам, воскрешённые музыкой.

*Девочка с обручем на голове теребит королевскую мантию:
– А где же мама?*

Тот устало отвечает, что мама задерживается, она обязательно придёт, только позже... но Райнен отчётливо понимает – ложь. Развернувшись, бежит из тронного зала – и горячие слёзы первой потери обжигают ладони.

...Балкон – самый высокий во дворце. С него хороший обзор. От кованных ворот ведёт дорога – куда она уводит? Есть ли вообще у неё конец? И доведётся ли принцессе сделать по ней хоть пару шагов? Она ведь не вольна распоряжаться собой, как хочет...

А линия горизонта подёрнута невесомой дымкой, и нестерпимо хочется добраться до неё, коснуться рукой, взглянуть – а что же там, за гранью...

Грусть туманит взор... но взгляд по-прежнему чист и светел...

Свой и чужой крики, сливаясь, стегают по ушам. Тяжесть меча в руке привычна по каждодневным тренировкам. Но на тренировках лезвие не заточено – и от точного выпада между пластин доспехов не окрашивается красным.

Первый бой окончен. Противник, слабо дёрнув разжавшейся рукой, затихает.

Первый убитый. Так победа это – или поражение?..

...Смеющееся девичье лицо среди гроздьев сирени. Стоны – жалкие, унижительные; звон упавшего кольца. Сердце отзывается прыжком вниз, но внезапно всплывает ещё одно лицо – не по годам серьёзное, с обрезанными золотыми кудрями.

Сердце ухаёт вновь, на этот раз – вверх.

Пещера. Одиночество. Люди разбегаются от одного вида – а они-то ему и нужны.

...Холодный блеск сокровищ. Ветер навстречу в полёте, небывалая сила – и мудрость. И желание – до царапающих камни когтей – вернуться, вернуться...

В глубоких янтарных глазах тоска – и надежда.

Изученные до последнего поворота переплетенья дворцовых коридоров. Принцесса медленно проводит ладонью по обшитой бархатом стене – и, кажется, та поёт под руками не хуже арфы менестреля. Дом...

– Райнен!

Пурпурная мантия, взметнувшись на обнимающих руках, скрывает алое платье принцессы. Пока никто не видит, король обнимает дочь вновь – и дыхание его прерывается на мгновение.

Но вот Вернес отстраняется и поправляет чуть съехавшую корону.

– Райнен. Нужно что-то решать. Я не могу отдать тебя в жёны твоему менестрелю, а судьбу твою пора устраивать.

На посветлевшее было лицо девушки драконьим крылом ложится тень.

– Нет, отец.

Вздёргивается упрямо подбородок, и не терпящий возражений голос чеканит слова:

– Я буду править Золотой Долиной одна. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что у меня не хватит на это силы!..

Кажется, даже тень её вырастает. Райнен оправдывает своё прозвище – она и впрямь великолепна.

– Я поговорю с тобой позже, – молвит король, и полы его мантии взметают мельчайшую пыль на мраморном полу.

Райнен разворачивается и бредёт в противоположную сторону. И делает вид, что не замечает двоих у витражного окна.

– Да простит меня госпожа Райнен, – говорит Ромел, провожая взглядом принцессу, – но моя госпожа – ты...

И берёт в ладони смеющееся лицо менестреля.

Райнен Великолепная восседает на коне рыцаря – прямая и гордая более обычного. Сухи её глаза – пламя души плещется в них, грозя опалить. Но ужасаться и восхищаться некому – Ромел и Эхеан отстали. Трудно пешему поспеть за конным. Особенно если пеший и сам не торопится.

– Тяжёлая, наверное, твоя арфа, – кивает рыцарь на висящий за плечами девушки чехол. – Давай понесу.

Менестрель недоумённо пожмает плечами: она рада этой тяжести. Но что-то в голосе спутника заставляет взглянуть на него. И ноги сами останавливаются.

– Эхеан... – имя птицей слетает с губ, и прочие слова умирают, так и не прозвучав. Руки спешно стягивают железные перчатки – и раскрывают навстречу тёплые ладони.

Серые глаза недоверчиво смотрят на них. Тонкие пальцы невольно взмываются к стриженным кудрям. Впервые менестрель жалеет о капризном своём деле.

Широкие, в мозолях, ладони зарываются в остатки светлых волос.

– Ты не переживай, отрастут, – шёпот тревожит сильнее любимых мелодий. – А мне и так нравится...

Эхеан делает шаг вперёд и кладёт голову на плечо Ромелу. Доспех холодит и царапает кожу, но в объятьях теплее, чем у огромного камина в тронной зале.

Зольтах просыпается оттого, что лежит на чём-то холодном и жёстком. Он совершенно точно помнит, что засыпал, как и всегда, в пещере. Разве что свернулся в клубок теснее обычного, ёжась от острого, как собственные когти, одиночества. Люди ушли, а он остался. Драконом.

Две слезы, огромные и горячие, скатились тогда из янтарных глаз и, зашипев, истаяли тонкой струйкой пара. Будто и не было их. Будто и не было ничего: ни отчаянного полёта над болотом, ни смутившего поцелуя принцессы, ни сжимающей сердце игры менестреля.

Зольтах закрывает глаза и упрямо не хочет их открывать вновь. Он устал быть чудовищем.

Но лежать становится всё неудобнее, и он раздражённо поворачивается и шарит лапой, чтобы выяснить, отчего привычное ложе вдруг стало таким неудобным.

Лапой?

Белизна кожи в рассветной мгле сияет ярче серебра.

Не веря, Зольтах вскакивает и оглядывает себя. Долго. А потом окрестности оглашают смех и крик счастливого человека, что безрассудно сбегает с вершины Клыкастой горы, не щадя новёхонький зелёный камзол – и собственную вновь обрётённую жизнь.

– И всё-таки, – бормочет он, немного успокоившись, – кто же меня расколдовал?

Рыцарь, менестрель, принцесса. Лишь эти трое впервые за всё время отозвались на его просьбу – и попытались помочь, как умели. Каждый по-своему.

Махнув рукой – и всё ещё не веря, что это самая что ни есть настоящая человеческая рука – Зольтах решает поделить заслуги поровну. Он понимает, что все трое ему отныне дороги.

Хотя... нет. Одна дороже.

Мелодия рисует почти осязаемый узор: то убегает вдаль нежным ручейком, то обрушивается горной лавиной на незащитное сердце под толщей зелёной брони. Воспоминания увлекают Зольтаха, как и остальных слушателей. Но что-то неясное тревожит, и он никак не может понять, что именно. Как будто видел увлекательнейший сон – а проснувшись, мгновенно забыл, и досада не покидает всё утро.

Эхеан не закрывает глаз, но она слишком сосредоточена на игре. Никто не видит, как напряжённо вслушивается дракон, как нервно

сворачивается и вновь распрямляется его хвост. Зольтах не покидает ощущение, что эту мелодию он где-то уже слышал.

Ну конечно! Вон они, те аккорды, что подарили полёт раньше, чем у него появились крылья. Он уже слышал эту музыку – три года назад, в королевском саду...

Райнен резко поднимается и вновь выходит на порог, запрокидывая лицо, будто пытаясь разглядеть в изгибе горизонта что-то, доступное только ей. Хлёткий ветер взметает её кудри – и Зольтах, наконец, складывает разрубленные половинки холста в одно целое.

Дворцовая башня. Девушка на балконе. Игра королевского менестреля...

...Он украл принцессу, потому что драконам это свойственно. Но понял, что начинает незаметно к ней привязываться – и это смущало. Ведь черноволосую незнакомку он тоже не мог – и не хотел – забыть. И как же хорошо, что забывать никого и не надо...

Скрещённые алебарды преграждают путь во дворец. Один стражник неуверенно произносит:

– Похож на нашего бывшего садовника...

– Не велено, – перебивает второй. Он здесь недавно и не помнит Зольтаха. Да и мудрено его узнать спустя три года.

– Проведите меня к принцессе, – драконьи отголоски в голосе заставляют стражников переглянуться и исполнить просьбу.

Райнен стоит у окна, скрестив руки. Истончившаяся, но всё такая же невыносимо гордая и прекрасная.

Оборачивается – и недоумённо рассматривает растрёпанного оборванца, пока не наткнется на виноватый взгляд жёлтых глаз. Их теперь обрамляет не зелёная чешуя, а обычное человеческое лицо. Но усмешка, доброта и – на доньшке – драконья мудрость – по-прежнему светятся в знакомых до остановившегося сердца глазах.

– Райнен... Я... ты...

...Старый Вернес стоит на балконе и, шурясь от заходящего солнца, смотрит на две пары, медленно бредущие по расцветшему саду. Рука сжимает ключ от сокровищницы, куда перекочевали драконьи богатства, ставшие выкупом.

Внезапно Зольтах вскрикивает и наклоняется. На раскрытой ладони вспыхивает огнём медальон на порванной цепочке. С тремя язычками пламени на крышке.

– Как вовремя ты нашёл его, – глубокий женский голос из-под серого капюшона. Требовательно протянутая рука.

– Вы та колдунья, – хрипло произносит молодой король. – Но к чему было всё это?..

– Чтобы вы помнили, что значит быть человеком. А ты, король, не забывай и о мудрости дракона, что перешла к тебе. – Медальон исчезает в

кармане плаща. На прощание колдунья касается волос Эхеан – и прежний водопад кудрей золотой волной ложится на белое платье менестреля.

Мерцают свечи в зашторенной комнате. Книга в тяжёлом бархатном переплёте развёрнута посередине, и на страницах – причудливая вязь. Рядом разбросаны листы бумаги и стёршийся грифель. А на листах – принцесса, дракон, девушка с арфой, рыцарь на коне, король на троне... Картинки движутся, отображая всё, что с ними произошло.

Но вот они иллюстрируют уже не прошлое, а будущее: молодые король и королева с озабоченными лицами – соседнее королевство начало войну за острова и втягивает в неё Золотую Долину. Старый король горячо призывает откликнуться, но Зольтах не зря жил в шкуре дракона три года. В ход идёт всё: шантаж, подкуп, слежка, заверения и жаркие обещания – но через две недели соседи мирятся, не пролив и капли крови друг друга.

Золотистая в пламени свечей рука сгребает картинки и задумчиво держит их, чуть сминая при этом. На стол с глухим стуком ложится медальон – и губы колдуньи трогают лёгкая улыбка.

Сильные пальцы затачивают грифель. Бездумно вертя его, колдунья размышляет, что – и кто – будет следующим.

...А на картинках, небрежно брошенных в угол, жизнь продолжается, и маленькая девочка нетвёрдыми шагами исследует королевский сад, что когда-то возделывал её отец. А в высокой башне с огромными окнами женщина смеётся, глядя, как горит в рассветных лучах золотая арфа, к которой упрямо лезет сын.

Но колдунья уже не смотрит на них. Она сделала, что могла, дальше пусть разбираются сами.

...Грифель бесшумно опускается на бумагу – и первый робкий штрих оттеняет её пока ещё нетронутую белизну.

Наталья Гимон
Рязань

Хранитель (сказка)

В бесконечном океане Вселенной разбросаны мириады миров. Одни из них бесплодны, покрыты льдом или же наоборот выжжены до пепла. Другие же, напротив, обитаемы и населены самыми разными существами – людьми, такими же, как мы, или почти такими же, разумными или бессловесными птицами или зверьми. Да много кем ещё!

Многие из нас, живущих на земле, обладают бесценным сокровищем – ключом, открывающим двери между нашей планетой и неизведанным. Когда этим счастливицам выпадает случай заглянуть в приоткрывшуюся

щель, они могут испытать и испуг, и восхищение, ведь все миры различны и предназначены для совершенно непохожей жизни.

Вы спросите, что же это за ключ? Он лежит на поверхности...

– Такин! – женский голос окликнул тёмноволосого мальчишку, который испуганно крутил головой, ища в пёстрой ярмарочной толпе невысокую, привычную с детства фигуру и знакомые, родные янтарные глаза. Жгучая обида давно прошла, уступив место липкому страху, что он, Такин, остался совсем один среди незнакомых ему чужаков.

Но стоило только его имени взлететь звонкой птицей над людским гомоном, как страх тут же отступил, забрался обратно в свою глубокую нору. Такин вытер ладонями наворачнувшиеся на глаза слёзы и направился к матери.

Теперь ему было стыдно. Как мог он, сын воина, охранителя порядка, устроить *такое* на глазах у всех? Ну не выторговала мать у хозяина лавки игрушечный меч со щитом, украшенные тонкой резьбой. Ну позвала к выходу, поспешила. Так ведь поздно уже, солнце к краю земли клонится, уже не из-за всякой крыши видно, а им ещё до дома добираться.

И отец, наверное, уже ждёт. Что ж кричать, упираться и слякоть разводить, как девчонка какая? Вон, прохожие на него все с неодобрением посматривают. А уж то, что ему холодной змеёй в сердце вползло, нашёптывая на ухо: «Всё равно по-моему будет!» – так вообще срамota! И мама расстроилась, смотрит на него и даже глазами не улыбнётся. Только, наверное, больно врезается в ладони тяжёлая корзина с закупленным.

Такин стоял, не поднимая глаз на мать, и молчал. Уши горели, как угли в костре.

– Идём, – сказала наконец она, перехватывая поудобнее ношу и взяв сына за руку. Мальчишка послушно вложил пальцы в посечённую белыми и багровыми от только что снятой тяжести рубцами ладонь, и ему стало стыдно вдвойне. Больше ни яркие краски, ни весёлый шум не радовали его. И даже продавец сладостей, призывно расхваливающий свои румяные кренделя и печатные пряники, не разбудил в Такине ни капельки ярмарочного настроения, когда всё видится удивительным и желанным. Так и шли домой сквозь городские улицы и пока открытые настежь ворота, не проронив за всю дорогу ни одного словечка.

– А-а-а, Светлая Голова, вернулся, наконец? – Отец в кожаных штанах и нижней полотняной рубахе сидел у окна их просторной горницы, что-то проверяя в своей тихонько позвякивающей кольчуге. – Ну, что? Рассказывай: что видел, где был? – Но мальчишка молча прошёл мимо и скрылся за плотной занавесью, отделяющей почивальный угол от остального дома. Там, сняв чёботы, он залез на одну из лежанок и, накрывшись с головой расшитым покрывалом, затих.

– Такин? – вновь позвал отец, но не получив ответа, повернулся к жене. – Что это с ним?

– Пусть он тебе сам расскажет, – как-то уж очень спокойно ответила она и, разжегши огонь в печи, вышла из горницы.

Такин лежал на пахнущей ветром постели, потихоньку хлопал носом и слушал, как за стенами начинает шуршать холодный дождь, когда совсем рядом раздался негромкий отцовский голос:

– Так и будешь молчать?

Мальчишка не ответил, лишь напрягся от неожиданности. Отец был хорошим воином, он много чего умел в ратном деле. Он и двигался совсем бесшумно, что обычно приводило сына в неопиcуемый восторг. И Такин мечтал, что когда-нибудь он тоже станет таким же – ловким как горная пятнистая рысь и сильным как седой матёрый волк. Но сейчас это умение вызвало у Такина лишь острый приступ стыда и испуга, что отец тоже всё узнает, поймёт, догадается.

– Сынок, – и широкая ладонь легла на плечо скорчившейся под покрывалом фигурки.

Почему-то именно от этого простого прикосновения в детской груди что-то будто надломилось. Такин выскочил из-под узорчатого полотна и обнял отца за шею.

– Папа, я не хотел, – прошептал он, изо всех сил сдерживаясь, чтобы из глаз не полились слёзы.

– Ну-ну, Светлая Голова, – успокаивающе похлопал тот сына по спине, – всякое бывает...

– Нет, пап, я виноват. Очень. Я маму обидел.

– Чем же?

– Я её прогнал, крикнул «уходи». А она даже не заплакала. А я тогда сам убежал. А потом испугался.

Отец промолчал, потом легко пересадил мальчишку к себе на колени.

– Знаешь, сынок, когда-то мой отец сказал мне, что в сердце каждого из людей живёт какой-либо зверь – трусливый заяц, могучий тур, скользкий гад болотный или кто другой. Он появляется ещё в отрочестве с первым проступком человека, тем самым, который направит твою судьбу. Приходит и навсегда остаётся внутри человека, становясь его Хранителем. Но порой, очень редко, в чьём-то маленьком сердце вдруг рождается дракон, и только от нас, людей, зависит, в какие цвета окрасятся его крылья.

Отец ещё немного помолчал.

– Дракон сделает избранного великим и мудрым, но лишь людские дела решают, каким станет наш Хранитель и наше сердце...

Такин заворожено слушал отца и, когда тот замолчал, вдруг спросил, затаив дыхание:

– А в твоём сердце какой дракон живёт?

Отец ласково взъерошил тёмные вихры на макушке сына и улыбнулся:

– Не-ет, сынок, в моём сердце живёт далеко не дракон.

Тогда мальчишка, удивлённо и чуть разочарованно посмотрев на отца, набрался храбрости и тихо спросил:

– Папа, а кто живёт во мне? Уж не дракон, это точно...

Отец заглянул в лицо сына и чуть прищурился.

– Тебе виднее, Светлая Голова.

В этот момент в горницу вошла мама. Она достала из печи и поставила на стол горшок запаренного, густого, ароматного кулеша и как ни в чём не бывало позвала:

– Хватит лясы точить, ступайте вечерять, не то остынет всё...

Этой ночью Такину снился волшебный сон. Бесконечная равнина стелилась перед его взором, зелёно-золотистая в лучах заходящего солнца, то здесь, то там изрезанная кудрявыми рошицами и сверкающая бирюзовыми глазами озёр. Против медленно скатывающегося к горизонту солнца на прозрачное синее небо карабкалась огромная, в локоть шириной, бледная луна, весь лик которой был словно тонкой кистью изрисован, рассечён цепочками гор и испятнан сухими темнеющими впадинами. А из-за плеча старшей сестры робко выглядывал ещё один в полпальца шириной половинчатый диск месяца.

Такин от восхищения даже позабыл, что ему, как любому человеку, полагается дышать, поэтому он опустил голову, лишь когда совсем рядом что-то шевельнулось. Мальчик столкнулся взглядом с узкими чёрными зрачками вытянутых золотистых глаз, нестрашных и пугающих одновременно, чуть прищуренных, словно в улыбке.

Вдруг жёлтые глаза неспешно поднялись вверх, и Такин рассмотрел громадную, увенчанную короной костяных рогов голову, длинную гибкую шею, могучие лапы с когтями, сильное блестящее бронзового цвета тело, заканчивающееся свёрнутым, словно обнимающим нечто хвостом, и переливающееся будто шёлк янтарное крыло, спадающее со спины на подобранный хвост.

– Здравствуй, Такин. – Дракон медленно кивнул мальчику.

– Где я? – мальчик снова быстро огляделся по сторонам, и чудесный зверь ответил:

– Ты внутри себя. В стране твоего сердца.

Такин с восхищением воззрился на ожившую сказку:

– А ты кто такой?

– Вопрос не в том, кто я. Вопрос в том, кто ты, – ответил дракон. Потом хвост и крыло его с тихим шорохом отодвинулись в сторону, и Такин увидел лежащее в углублении яйцо, величиной с большую тыкву. Мальчик подошёл ближе, дотронулся до гладкой тёплой скорлупы. В ту же секунду внутри неё что-то гулко стукнуло, и перламутровый бок яйца прорезала первая, тонкая, как волос, трещинка. Мальчишка отёрнул ладонь и испуганно взглянул на дракона, но тот спокойно снова укрыл своё сокровище.

– Сегодня над этой землёй прошла страшная буря, – обратив взор к горизонту, сказал сказочный зверь. – Мой сын едва не погиб. – Помолчав, он неожиданно низко склонил голову перед мальчиком. – Благодарю тебя, Такин, что не позволил ему умереть.

– Я?!

– Да. Твоя обида и злость отразились ураганом и землетрясением здесь, внутри тебя. Этот прекрасный мир едва не превратился в мрачные непроходимые трясины.

Накатившая волна памяти снова залила жидким огнём стыда щёки Такина. Чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы, он произнёс, повторяя те же слова, что недавно сказал отцу:

– Я не хотел.

– Нет, Такин, не плачь. Ты выдержал свой самый первый урок, не дал своим желаниям взять верх над тобой и научился смотреть на мир глазами других. Поверь мне, далеко не каждому это удаётся, и тогда яйцо погибает, даже не выпустив в мир детёныша, а его место занимает кто-то другой... Ты ещё мал, Такин, но уже по-своему мудр, и потому хранителем твоего мира всё же станет дракон. Теперь я спокойна, ведь я точно знаю, что мой сын совсем скоро появится на свет.

– А когда – скоро? – взволнованно спросил мальчик.

– Когда ты усвоишь свой второй, самый важный урок.

– Какой?

Драконья голова приблизилась к лицу Такина так близко, что он даже сощурился и невольно закрылся рукой от обжигающе-горячего дыхания огромного зверя.

– Я не в праве подсказывать тебе, – мягко проговорил дракон, – иначе это будет нечестно. Но я могу открыть тебе тайну, которая поможет пройти все испытания твоей жизни. – Его голос упал до шёпота. – Твой самый мудрый советчик всегда ближе, чем тебе кажется. Он живёт здесь.

– Здесь? Где – здесь? – удивлённо крикнул Такин, но в ответ услышал лишь шорох ночного дождя за стеной.

Прекрасного мира с двумя лунами больше не было. Была лишь просторная горница с огороженным тёплым почивальным углом рядом с печью. Был отец, дремавший рядом на лежаке, готовый при любой опасности отдать за сына последнюю капельку своей жизни; и спящая на соседней лавке мама, которая живёт и, наверное, дышит для него, Такина, и для которой самой большой наградой всегда была сыновья улыбка.

Мальчишка тихонько слез с лежанки – отец молча придержал его в темноте за локоть – и подошёл к матери.

– Мама, мам, – позвал он негромко, и темнота вздрогнула и тревожно откликнулась:

– Что? Что стряслось, сынок?

Такин на ощупь нашёл её руку и прижал к щеке.

– Я люблю тебя, мама...

Последний луч огненной звезды догорал в вечернем небе, увенчанном двумя лунами, когда перламутровая скорлупа, вдруг громко затрещав, развалилась на куски, и под крылом дракона слепым несурзным комочком завозился детёныш. Потыкавшись сморщенной незрячей

кожистой мордочкой, он пискнул что-то неразборчивое, в голове матери сразу принятое как самое первое слово: «Мама?!»

И прежде, чем погаснуть, солнечный луч, проникнув под огромное приподнятое крыло, окрасил смятые бесформенные крылышки крошечного дракончика золотистым сиянием, и дракон, прикрыв жёлтые глаза, осторожно коснулась мордой маленького тельца, словно говоря: «Я здесь, сынок».

Она улыбалась. Сердце Такина обрело свои золотые крылья...

А твоё?..

Оглавление

Маргарита Ланина	
Дружба народов, или Время драконов.....	4
Светлана Кочарина	
Дракон.....	11
Наталья Жилиянина	
Драконовские меры.....	19
Надежда Калашникова	
Мечта дракона.....	23
Наталья Гимон	
Хранитель.....	38